

*ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА*

(Печатается под наблюдением В. И. Малышева)

В. И. МАЛЫШЕВ

Пижемская рукописная старина

(Отчет о командировке 1955 года)

В июне—июле 1955 года экспедиция Сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР в составе научного сотрудника Сектора В. И. Малышева и научного сотрудника Гос. Эрмитажа Ф. А. Каликина направилась на поиски старинных рукописных книг на Печору, по преимуществу в район реки Пижмы. Начав свой путь из Усть-Цильмы, экспедиция провела десять дней в пижемских селениях, откуда вывезла 65 рукописей XV—XIX веков, и среди них наиболее интересные из находок этого года. Пробыв затем два дня в Усть-Цильме, где было найдено лишь две рукописи, экспедиция направилась в селения, расположенные по реке Нерице, притоку Печоры, где, однако, обнаружить рукописные книги не удалось. На низовой Печоре было приобретено семь рукописей.

После поездки этого года, когда тщательно был обследован значительный район средней и нижней Печоры, дальнейшие поиски рукописей здесь организованными археографическими экспедициями не представляются необходимыми. Однако случайные находки возможны, и потому этнографам, фольклористам и лингвистам, направляющимся в этот район, не следует забывать о «письменной досельной» рукописной книге. Если надежды на успех поисков значительно меньше в населенных пунктах низовой Печоры, то в Усть-Цилемском районе, в селах и деревнях Пижмы и Цильмы находки не исключены. Сами условия сохранения рукописной книги (нередко рукописи лежат забытыми на чердаках, в сараях и чуланах) допускают постоянную возможность новых находок. Едущему в эти края следует начинать розыски рукописного материала прежде всего с лиц, знающих старинную грамоту. В каждой деревне, селе, в первом же доме назовут фамилии таких, по местному выражению, «начетных людей». Фамилии многих печорских собирателей приведены в наших отчетах о поездке на Печору.¹ Этим лицам всегда могут принести новую книгу, обнаруженную случайно в каком-нибудь углу домового хозяйства. Но спрашивать о книгах надо в каждом доме, в котором придется побывать. Рукописная книга нам попадалась нередко там, где присутствие ее мы даже не могли предполагать: в доме приезжего ветеринара, у ленинградца, капитана мотобота, и т. д.

Что касается селений, находящихся в верховьях Печоры, в районе Троицко-Печорска, в бассейнах рек Ижмы и Вымя, то эти селения должны быть обследованы и как можно скорее. Необходимо также проверить на-

¹ Труды ОДРА, VII, стр. 469—480; XI, стр. 425—439.

личие рукописных книг в прибрежных печорских деревнях и селах выше села Шельяюра до села Усть-Уса, в деревнях, расположенных по берегам реки Усы. По сведениям местных старожилов, в некоторых деревнях верхней Печоры совсем недавно встречались «книги на коже» (пергаменные), юсового письма. Может быть, эти сведения и не подтвердятся, но долг археографов проверить их.

Как все-таки был неправ Н. Е. Ончуков в отношении печорской рукописной книги, когда пятьдесят лет назад писал о ней: «Правда, крайний север России, мной изъезженный, не имеет ничего выдающегося в смысле рукописей, значительно уступая и в качественном и в количественном отношении местам, следующим за прибрежной полосой, расположенной по рекам бассейна Волги и Балтийского моря. Но может быть и то, что я нашел на крайнем севере, тоже составит интерес уже потому хотя бы, что будет можно знать, что должен ожидать в этом отношении будущий путник в эти местности, может быть, ожидающий встретить здесь сокровища! Одной разбитой ученой иллюзией, следовательно, будет меньше».¹

Может быть, этот несколько поспешный вывод известного этнографа и фольклориста, сделанный на основе очень случайных рукописных приобретений,² и был одной из причин того, что археографы отвернулись от Печоры, забыли ее, предоставив ее «обследовать» торгашам из Чердыни, Соликамска и других городов. Между тем сам же Ончуков отмечал, что «скупщики старины вывозили с Печоры старые книги кулями».³ И он же писал о печорской письменности: «Видел я нынче многочисленные томы рукописных книг, тетрадок и пр., но все это старинной переписки».⁴

К сожалению, зоркий и наблюдательный глаз этнографа, подметивший на Печоре много тонких и своеобразных черт быта местного старообрядчества, в данном случае не заметил, что «люди старой веры» не допустили ученого к рукописной книге. А получилось это потому, что они испугались его официальных удостоверений, открытых сношений с местными властями и духовенством в годы, когда старообрядчество еще подвергалось сильному гонению со стороны правительства. Поэтому только случайные и очень немногие рукописные книги удалось увидеть Н. Е. Ончукову.

Следует также заметить, что Н. Е. Ончукову был известен ограниченный круг печорских и пижемских селений.

А между тем, как отмечал еще С. В. Максимов, в печорских селениях хранились огромные рукописные богатства,⁵ менее, конечно, древние и разнообразнее, чем те, которые имелись у «жителей бассейна реки Волги и Балтийского моря»; ведь печорский край намного меньше по территории и заселен значительно позднее: рукописная традиция здесь восходит всего лишь к концу XV века.

¹ Н. Е. Ончуков. Печорская старина. Известия ОРЯС АН, X, кн. 2, 1905, стр. 339.

² Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки имп. Акад. Наук в 1903 году. СПб., 1904, стр. 10, 27, 42, 54 и др. Здесь даются сведения о 14 рукописях, привезенных Н. Е. Ончуковым с Печоры. См. также: Н. Е. Ончуков. Печорская старина. ИОРЯС, кн. 3, стр. 223—228.

³ Н. Е. Ончуков. Печорская старина. ИОРЯС, кн. 3, стр. 212.

⁴ Н. Е. Ончуков. О расколе на низовой Печоре. «Живая старина», 1901, вып. III—IV, стр. 441.

⁵ С. В. Максимов. Год на Севере. Часть II. Собрание сочинений, т. IX, СПб., изд. «Просвещение», без указания года, стр. 342. Максимов пишет про Печору, что исследователям известно «богатство здесь старинных памятников письменности в актах, отдельных монографиях, старопечатных книгах, грамотах и других бумагах». Самому ему «удалось видеть свежие, недавние копии целыми томами большого формата, со старопечатных книг и целые сборники — книги, которые поразительны по той разнообразной пылкости и любознательности, с какими старались записывать печорские грамотеи все, что могло интересовать их».

Здесь была своя богатая и своеобразная письменность и литература. Во времена пребывания Н. Е. Ончукова на Печоре она сохранялась еще почти во всем своем объеме, хотя уже быстро начинала терять свое практическое назначение, вытесняемая печатной продукцией, и превращалась в «лежалую литературу».

На Печоре сберегались тогда же древние пергаменные книги. Даже в 1934 году они еще были здесь: в день моего приезда в село Бедовое в нем ребята сожгли несколько «кожаных книг». Встречались огромные книги, написанные на бересте (часть одной такой книги хранится и сейчас в Нарьянмарском краеведческом музее, другая книга была в 1937 г. у М. Е. Торопова). Повидимому, немало ходило по рукам автографов сочинений протопопа Аввакума. Как известно, он перед сожжением роздал пустозерцам все свои книги и рукописи. Несколько автографов Аввакума было куплено в 1912 году в селении Каменное (близ Пустозерска) старообрядческим начетчиком из села Семжа (Мезень) И. С. Жмаевым. Всяких рукописей, по рассказам стариков, много было в то время в селениях низовой и средней Печоры.

Собирая в здешних местах с 1934 года уже скудные остатки некогда большой письменной культуры печорцев, я в разное время доставил в научные архивохранилища Ленинграда 290 рукописных книг XV—XIX веков. Многие из этих рукописей представляют большую ценность для науки. С Печоры можно было бы привезти гораздо больше рукописных книг, если бы поиски их были организованы значительно раньше и проводились на более широкой основе, чем наши поездки, особенно 1934—1938 годов, которые имели лишь разведывательный характер.

Мы остановились на высказывании Н. Е. Ончукова с одной только целью, чтобы опровергнуть это несправедливое и случайное заключение о печорской рукописной старине и, воспользовавшись случаем, призвать наших археографов проверить наличие рукописных книг в селах и деревнях Поволжья (район реки Керженца), по реке Иргизу, в Алтайском крае и других местах, связанных в прошлом с сильным старообрядческим движением. Правы ли некоторые археографы, когда утверждают, что в этих местах уже не найдешь старинной рукописной книги? Только тщательная проверка на местах может дать правдивый ответ о сохранности в том или ином районе рукописной старины.

* * *

Район реки Пижмы в прошлом году был основным местом наших поисков старинной рукописной книги. Мы побывали во всех пижемских селениях, за исключением очень небольших верховских деревушек — Левкинской и Новожиловской (4 двора), в которых, по единодушному признанию местных жителей, «письменных книг никогда не водилось».

Влево от реки Печоры тонкой извилистой лентой течет между красивыми и богатыми растительностью берегами речка Пижма, левый приток Печоры. Выбегая из-под самого Тиманского хребта, из богатого рыбного озера Ям, несет она свыше двухсот километров свои прозрачные воды. Стремительно скользя по многочисленным порогам и перекатам, омывая высокие каменные утесы с торчащими на их высоком гребне исполинскими соснами, выходит Пижма под самую Усть-Цильму. Семь лесных речек, ее притоков, — Черная и Светлая Комжи, Умба, две Язовцы, Сизов ручей, Белый ручей и Вятка — помогают ей быть проходимой для мелких судов почти до верховья. Могучие сосны, огромные ели, кудрявые березы, осина, ольха, размашистая лиственница украшают лесные берега Пижмы,

оглашаемые шумом взлетающих рябчиков, белых куропаток, пестрых тетерок и огромных глухарей. Низменные прибрежные наволоки покрыты густой зеленью, душистыми травами. Серебристую глубь реки разрезают быстрые сиги, чирьи, окуни, в камышах плещутся щука, налим; громадные хариусы, пеляди, семги оставляют длинный след на воде.

По берегам Пижмы находится двенадцать селений, в большинстве своем небольших деревушек, по двадцать-тридцать домов, расположенных почти всегда живописно по самому берегу реки. Это деревни: Левкинская, Новожиловская, Верховская, Скитская, Замогильник, Степановская, Чуркинская, Никоновская, Загривочная, Абрамовская, Боровская и село Замежное. Наиболее отдалена деревня Левкинская: она стоит в двухстах километрах от устья реки Пижмы. Село Замежное, находящееся в среднем течении реки, является самым большим населенным пунктом здешнего края, административным и культурным его центром.

Некогда один из самых отдаленных и глухих районов, куда известия из Петербурга и Москвы шли не менее двух месяцев, Пижемский край в настоящее время включается в общественную и культурную жизнь всей страны. Шумят в каждом селении ветряки, приводящие в движение местные радиотрансляционные станции. Десятки радиомачт высятся над старинными домами пижемцев. Большинство жителей далекой окраины каждый день слышат голос столицы своей Родины. На улицах деревень и по лесным дорогам гудят провода телефона и телеграфа.

Современная техника прочно входит в быт пижемцев. Колхозники колхозов имени Хрущева и имени Калмыкова построили свои электростанции. Трудоемкие работы на некоторых колхозных фермах механизированы, введено автопоение. Прочно завоевали место в колхозном труде пилорамы. Поля и луга Пижмы оглашает гул огромных тракторов С-80 и мощных бульдозеров. Ряд колхозов имеет свои грузовые автомашины.

По всей Пижме развернулось строительство больших колхозных скотных дворов, оснащенных новейшим оборудованием. Пижемцы участвуют в Сельскохозяйственной выставке, передавая свой богатый опыт по животноводству колхозникам других областей страны. Колхозы имени Калмыкова, «Стахановец», «Большевик» и другие стоят в ряду первых в Усть-Цилемском районе. Широкое применение нашло социалистическое соревнование. Колхозы соревнуются между собой за лучшие показатели по поднятию производительности труда, увеличению удоя, приплода и т. п. Внутри колхозов бригады и отдельные колхозники соревнуются между собой. Дружным и спаянным трудом пижемцы сделали свои колхозы крепкими и живут зажиточно, хорошо.

За годы советской власти неизмеримо выросло медицинское обслуживание населения. Раньше на весь округ был один фельдшер, который, по его словам, один «лечил людей и лошадей». Теперь в Замежном сельская больница с несколькими врачами, фельдшерами и медперсоналом, имеется детский сад, детские ясли. В селе работает зоопункт. В каждом колхозе Пижмы есть фельдшер и ветеринар, детские ясли. Пижемкам уже не приходится таскать с собой на поля детские люльки.

Сильно изменился культурный облик бывшей староверческой Пижмы. Какие «культурные» учреждения имела она в 1917 году? Три молельни, винная лавка, питейные палатки в некоторых деревнях. Земская начальная школа в селе Замежном влачила жалкое существование, так как блюстители «древлего благочестия» предпочитали отдавать детей к своим «наставницам», учили их там «по старине». Неграмотным было большинство населения.

В настоящее время в селе Замежном функционирует неполная средняя школа с интернатом для детей из других деревень. Новое большое одноэтажное светлое здание школы является украшением и гордостью села. Начальные школы имеются в деревне Абрамовской, Загривочной и Степановской. Теперь в пижемском сельсовете неграмотных нет, кроме нескольких дряхлых стариков и старух.

Немало пижемских юношей и девушек учатся в вузах Москвы, Ленинграда, Архангельска, Сыктывкара и других городов. Две дочери председателя колхоза «Стахановец» Афанасия Ивановича Поташова закончили учебу в 1955 году, одна в Пушкинском сельскохозяйственном институте, другая — в Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена. Обе изъявили желание ехать работать на родной север.

К услугам пижемцев в селе Замежном имеется сельский клуб с хорошей библиотекой, радиотрансляционной установкой, комнатой для игры в шашки и шахматы. При клубе находится кинопередвижка, обслуживающая колхозы сельсовета. В каждом колхозе есть свои красные уголки, члены сельхозартелей выписывают много центральных и местных газет. Некоторые колхозники создают свои личные библиотеки. К сожалению, Усть-Цилемская районная база Книготорга в течение ряда лет плохо удовлетворяет возросшие запросы пижемцев, и мы не один раз слышали серьезные упреки в ее адрес.

Широкое распространение получили за последние годы на Пижме спортивные игры и особенно игра в городки. В селе Замежном каждое лето устраиваются соревнования городошников пижемского сельсовета. Сильные и выносливые пижемцы любят турник, брусья и беговую дорожку. Некоторые из них входят в сборные команды Усть-Цилемского района.

Немало пижемцев занимают руководящие должности в Усть-Цильме. Так, местную районную газету «Печорская правда» редактирует пижемка Лукерья Никитична Типичева. Ответственным секретарем редакции около двух десятков лет работает боровчанин Иван Елизарович Чупров. Первым секретарем райкома комсомола является тоже пижемец Николай Алексеевич Чупров. Пижемский сельсовет считается в числе лучших в Усть-Цилемском районе Коми АССР. Таково современное лицо Пижмы, бывшей заброшенной, глухой окраины царской России.

* * *

Пижемская рукописная книга имеет не древнюю, но очень своеобразную историю. Первоначальное заселение Пижмы русскими людьми связано со старообрядческим движением на рубеже XVII—XVIII веков. Сюда, в глухие непроходимые леса, устремились спасаться от «никоновых новин» мезенцы, пинежане, двиняне. Страх перед нововведением и преследования властей заставили перебраться на Пижму даже некоторые крестьянские семьи из Московской, Олонецкой губерний, из Перми и других мест. Пришлые старообрядцы прочно осели на нелюдимых берегах Пижмы.¹ Однако населения на Пижме в это время было еще очень немного. Это были, повидимому, небольшие, нам неизвестные поселки, население которых состояло из двух-трех семей

Около 1730 года на месте теперешней деревни Скитской создано Великопоженское старообрядческое общежительство, напоминавшее во многом по своему устройству знаменитое Выговское старообрядческое общежительство в Олонецкой губернии. Создателем пижемского общежительства

¹ Л. П. Лашук Этническая история Печорского края Автореферат кандидатской диссертации Сыктывкар, 1954, стр 8

был некий Иван Акиндинович, ростовец родом: он хорошо был знаком с выговцами, жил у них несколько лет и потому старался во всем подражать им.

Однако, как рассказывает местная повесть о самосожжениях в Печорском крае,¹ пижемцы здесь «житие имели издавна, еще до приходу онаго Ивана Акиндинова к ним, он после пришед, что пашня и промыслы рыбные и звериные вельми добрые, живущие от Печеры реки в стороны за осьмьдесят верст на Пежмы реки, на Великих пожнях». На Великих пожнях Иван Акиндинович выступил только в роли объединителя отдельных старообрядческих семей в единое общежительство с поморским, выговским, уставом. Первыми же засельниками здешних мест считаются мезенцы Бобрецовы, Антоновы, Кирилловы и Носовы,² потомки которых и сейчас составляют основное ядро населения Скитской и соседних деревень.

В 1744 году по доносу мезенца Артемия Ванюкова в скит приехал воинский отряд из восьмидесяти человек во главе с офицером и священником. Целью прибывших было приведение живущих здесь старообрядцев к господствовавшему вероисповеданию. Но великопоженцы не желали вступать в какие-либо отношения с «разорителями древлеотческого церковного благочестия». Свою непоколебимую приверженность к старой вере они засвидетельствовали страшным самосожжением 86 человек. Это случилось 6 декабря 1744 года. Обо всем этом красочно и подробно сообщается в упомянутой выше местной повести. На основании ее же можно составить представление о хозяйственной деятельности общежительства в середине XVIII века. По этим сведениям, Великопоженское общежительство представляло собой довольно мощную экономическую силу. Повесть сообщает, что пришедшей команде досталось следующее имущество скитян: «хлеба молоченого 600 четвертей отмериша, немолченого ржи и жита 30 кучь, 63 книги и икон множество, 12 лошадей, коров дойных слишком 50, овец 300 и иного живота».

Книг показано 63, но их в общежительстве, несомненно, было значительно больше, чем приведено в повести. Скорее всего это были лишь те 63 книги, которые скитяне не успели своевременно спрятать. Правда, в повести подчеркивается, что великопоженцы намеренно не заботились о сохранении своего имущества. В повести мы читаем: «... овое нашли охиченого, а иное бросали из запору, с окон, занеже с собою ничего не сожгоша, все выбросали на улицу». Но едва ли это относилось к книгам и иконам.

Катастрофа 1744 года не прекратила совсем деятельности Великопоженского общежительства. Оно скоро возобновило свою жизнь, обстроилось, слава о его «страдальцах за веру» привлекла к нему еще больше внимания со стороны местного старообрядчества и столичных и московских «доброхотов».

Новое испытание пришлось выдержать великопоженцам в 1825 году. Большой пожар уничтожил почти все строения, погибло много книг, икон, хозяйственного и домашнего имущества. Но скитяне и на этот раз быстро оправались от постигшего их несчастья. Опять на помощь пришли богатые старообрядцы из Усть-Цильмы, Москвы и Новгорода, с которыми предприимчивые великопоженцы успели завязать тесные связи.

¹ Повесть эта имеет следующее заглавие: «В Архангельской губернии, в Мезенском уезде содеяся в нынешнем 7252 (1744) году». Есть, впрочем, и несколько измененные заглавия. Нами приобретено на Пижме два списка XIX века этой повести; третий, наиболее полный список, тоже XIX века, был найден в деревне Рочеве на Цильме в 1954 году. В статье пользуюсь Рочевским списком.

² Н. Е. Ончуков. Печерская старина. ИОРЯС, кн. 3, стр. 216.

Первая половина XIX века была периодом наивысшего расцвета в жизни Великопоженского общежительства. Скит стал играть громадную роль в деле распространения старообрядчества на Печоре, соседней Ижме и Мезени. Нити от Пижмы потянулись в далекий Пустозерск и в Большеземельскую тундру. Активная деятельность пижемских старообрядцев не могла пройти мимо архангельского архиерея, зорко следившего через печорских миссионеров за каждым движением своих противников. Время заигрывания правительства со старообрядцами прошло, разрешено было опять применять крутые меры к «людям древлего благочестия». И вот в 1842 году архангельский архиерей завел переписку с местным губернатором о пресечении «вредоносной» деятельности великопоженцев. Около двух лет тянулась эта переписка. Наконец, в 1844 году, ровно сто лет спустя после знаменитой пижемской гари, Великопоженское общежительство было окончательно закрыто. Все имущество жителей было отобрано в казну, книги, иконы, вся дорогая утварь увезены в Усть-Цильму и переданы местным священникам. Позднее скитское церковное имущество послужило основанием для устройства в Усть-Цильме единоверческой церкви.¹ Большая часть жителей скита была расселена по только что образовавшимся на Пижме селениям. За пижемцами установили строжайший контроль со стороны местных духовных и полицейских властей.

После этого Великопоженское общежительство уже не возрождалось в своем прежнем виде, хотя деревня Скитская, возникшая на месте общежительства, собирала и позже вокруг себя старообрядцев. Эти новые пришельцы иногда даже пытались захватить у местных крестьян землю и сенокосные угодья, как показывает найденное письмо крестьян Верховской и Чуркинской деревень в Усть-Цилемское волостное правление.²

Однако с закрытием скита старообрядчество в здешних местах не было уничтожено до основания и Пижма до самого последнего времени являлась одним из главных центров печорского старообрядчества, отличаясь особой консервативностью взглядов, большой приверженностью к старине, к древним книгам, старым обычаям и одеждам. Пижемские наставники были широко известны и особо почитаемы на всей Печоре.

Мы несколько подробнее остановились на истории Великопоженского скита и пижемского старообрядчества потому, что они сыграли большую роль в деле освоения этого края, распространения письменности и грамотности на Пижме в XVII—XIX веках, в сбережении значительного количества памятников письменной культуры наших предков. Эта сторона вопроса до сих пор еще не освещена в научной литературе, хотя она имеет значение для правильного суждения о прошлой культуре пижемцев и их истории. Достаточно сказать, что почти все современные селения на Пижме своим возникновением обязаны так или иначе деятельности Великопоженского скита и появились в разное время XVIII—XIX веков.

Великопоженское общежительство в периоды расцвета своей деятельности (до 1744 года, в конце XVIII века, в первой половине XIX века) представляло своеобразный центр культуры на Печоре. Пижемцы не довольствовались чтением и перепиской одной лишь церковно-служебной, богословской и полемической литературы, как показывают рукописные находки 1954 и 1955 годов, интересы их были значительно шире. Они осваивали риторические и философские трактаты, писали поздравительные стихи, занимались сочинением исторических произведений, используя для

¹ Н. Е. Ончуков О расколе на низовой Печоре. «Живая старина», 1901, вып. III—IV, стр. 447 С. В. Мартынов относит дату окончательного закрытия скита к 1854 году (С. В. Мартынов Печорский край, II. СПб., 1905, стр. 14).

² Публикуется в Приложениях (II, № 2).

этого местные предания и сказания. В ските были люди, которые, очевидно, имели право называть себя поэтами. Так, на найденном нами в деревне Скитской списке автобиографии протопопа Аввакума есть следующая запись: «Сия книга, тетрадь поэта Венедиктова Антонова. Переплетал 1838 года».¹ Имя юноши Венедикта, утонувшего в реке, упоминается в местном синодике. Фамилия Антоновых коренная, пижемская, она ведет свое начало, как указано выше, от выходцев сюда с Мезени в конце XVII века. Фамилия Антоновых и сейчас встречается в деревне Скитской и в других деревнях Пижмы. Таким образом, есть все основания считать Венедикта Антонова местным жителем. Приходится только сожалеть, что до нас не дошло ни одного стихотворения этого пижемского юноши-поэта.

Великопоженцы не чуждались и «мирской» литературы. В деревнях Пижмы нам не раз встречались отдельные томики изданных в XVIII веке сочинений М. В. Ломоносова, Антиоха Кантемира, изданий Н. И. Новикова, История Иудейской войны Иосифа Флавия и другие. Владельческие записи и пометы на изданиях XVIII века наглядно говорят о том, что книги были получены на Пижме вскоре после их напечатания. В деревнях Верховской и Скитской попадались сочинения Екатерины II, к которой предки современных пижемцев вообще, повидимому, благоволили за дарование скиту кое-каких прав. По свидетельству Н. Е. Ончукова, еще в начале XX века пижемцы бережно хранили у себя ее подлинные грамоты, адресованные скитянам.²

Круг чтения великопоженцев, даже по тем сведениям, которыми мы располагаем, представляется довольно широким и свидетельствует о большой любознательности жителей глухих печорских лесов. Если же учесть, что до нас дошло лишь очень немногое из некогда большой и разнообразной письменной культуры, то придется отдать должное широте кругозора великопоженцев.

В Великопоженском ските была своя книгописная мастерская, где размножались присланные с Выга произведения самого различного жанра местных старообрядческих писателей (жития, послания, письма, риторические сочинения, полемические трактаты и т. п.) и переписывались заново пришедшие в ветхость древние рукописные книги.

Перепиской рукописных книг на Пижме занимались вплоть до нашего времени. Еще совсем недавно были живы люди, основной профессией которых было писание книг. Это братья Чупровы из деревни Боровской, Н. С. Кириллов и другие. Переписанные ими книги встречаются почти во всех деревнях Пижмы и легко отличаются от прочих старообрядческих рукописей, в том числе и поморского письма, своеобразным мелким, прямым почерком, несколько небрежным и угловатым.

Великопоженское общежительство, как нами отмечалось, поддерживало тесные связи с Выго-Лексинским общежительством, заказывало там иконы, получало от них нужные книги. В тяжелые минуты оба старообрядческих центра так называемого Даниловского поморского согласия помогали друг другу.³ При посредстве выговцев на Пижму попадали книги многих светских писателей XVIII века.

¹ См. Приложения, I, № 34.

² Н. Е. Ончуков. Печорская старина. ИОРЯС, кн. 3, стр. 228.

³ См. письмо лексинца Семена Дорфеевича к пижемцу Ивану Евстафьевичу от 1824 года (Приложения, II, № 4) Пижемские старообрядцы, как и большинство старообрядцев Карельского Поморья, отнесли к беспоповцам Службу у них вели «старцы праведного жития», на деле, однако, отличавшиеся нередко далеко не праведной жизнью

Великопоженское общежительство сыграло на Пижме почти ту же роль в освоении края и в распространении в нем письменности и грамотности, какую выполняли в древней Руси северные монастыри. Пусть эта письменность пижемцев в общем носила несколько однобокий характер и своим началом имела цель защитить старообрядчество от «никоновых новин», но она обращала к книге, приучала любить грамоту, чтение, ценить и уважать книгу, наводила жителя глухого северного леса на многие вопросы, которые он без знаний, без книг никогда бы не мог поставить перед собой.

К сожалению, о Великопоженском ските мы имеем пока лишь совсем отрывочные сведения со страниц не всегда объективных миссионерских статей. Серьезному исследованию его деятельность еще не подвергалась.

Между тем даже те данные, которые нам удалось собрать во время поездок по Печоре, говорят о том, что Великопоженское общежительство представляло собой интересную хозяйственную и культурную организацию на Севере, созданную силами «северных мужиков», и заслуживает более пристального внимания и справедливой оценки. Правда, восстановить более или менее полную картину жизни общежительства едва ли удастся, так как материалов о нем почти не сохранилось. Но, несомненно, в Архангельском областном архиве и в фонде бывшего Святейшего Синода в Ленинграде найдется не одно дело, в котором могут оказаться ценные сведения по истории Великопоженского скита в XVIII—XIX веках. Могут они оказаться и в других архивохранилищах, в делах, относящихся к старообрядцам. Эти сведения могут пролить новый свет на характеристику деятельности великопоженцев.

* * *

Перейдем теперь к современным хранителям и собирателям пижемской рукописной старины.

Поиски рукописей на Пижме мы начали с деревни Скитской. 8 июня легкий двухместный самолет «П-2» местного лесхоза приземлил нас на небольшой лесной площадке, в двух километрах от Скитской. Мы шли по живописной местности, облитой ярким северным солнцем. Перед деревней, на высоком большом холме с очень ровной поверхностью, местные колхозники сажали картофель. В деревне Скитской колхоз дружный, поэтому все жители от мала до велика были заняты на работе.

Вот показалась и сама деревня, растянувшаяся вдоль берега старого русла реки Пижмы. Домов в Скитской не больше 30. Направо в полуверсте от деревни растут вековые сосны и ели, огороженные невысоким заборчиком, — это кладбище на месте самосожжения, место первого поселения в здешнем крае.

В Скитской живет известный по всей Пижме начетчик Сидор Нилович Антонов, по прозвищу Сидор-наставник. Это прозвище дано ему потому, что он до сих пор выполняет в верховских пижемских деревнях роль староверского наставника: исповедует, крестит детей, отпевает покойников. Это кряжистый старик, лет семидесяти, с широкой бородой и серыми подвижными и пронзительными глазами. Я познакомился с ним еще в 1949 году, мимоходом встретив его на улице в Усть-Цильме. Мне было известно, что у С. Н. Антонова имеется много старопечатных и рукописных книг и что старик до сих пор почитывает некоторые из них. Знакомство с рукописными книгами в Скитской мы решили начать с него. Ф. А. Каликин пошел по другим адресам, а я направился к Сидору Ниловичу Антонову.

С. Н. Антонов не забыл меня, поздоровался и, узнав о цели моего прихода, повел в свою комнату. Здесь он подвел меня к переднему углу и показал свои древние иконы и книги. Книг у него, действительно, оказалось много, но большинство их составляли издания старообрядческих типографий XVIII века.

Пока я перелистывал страницы рукописных книг, хозяин сходил на чердак и принес оттуда большой берестовый короб, доверху наполненный старинными книгами. Густой слой пыли и мелкие древесные стружки покрывали верх короба. Видно было, что рука Сидора Ниловича давно не касалась его. В коробе больше было рукописей, чем старопечатных книг. Оказалось, что эти рукописи лежали нетронутыми на чердаке дома более двадцати лет.

В разговоре также выяснилось, что у С. Н. Антонова есть еще несколько рукописей, но они находятся далеко, за двести километров от дома, в его рыбацкой избушке. Из них меня заинтересовала тетрадка со «Сказанием о Мамаевом побоище». Я просил С. Н. Антонова дать возможность познакомиться с ней. Старик обещал привезти рукопись оттуда и при первой возможности переслать в Ленинград.

У Антонова мы приобрели 8 рукописных книг XVI—XIX веков, в том числе хороший список Жития протопопа Аввакума, Пролог XVI века, местный Синодик, Историю о взятии Соловецкого монастыря, два сборника духовных стихов, Повесть о табаке и др.

Рукописными книгами Антонов не дорожил, расстался с ними охотно. Видно было, что многие из них только лежали у него в красном углу для вида, не читал он их давно. Только Житие протопопа Аввакума уступил с условием, чтобы прислали ему печатное издание, да чтобы «буквы были покрупнее».

В деревне Скитской нашлось еще несколько рукописных книг XVII—XVIII веков. Владельцами их были две древние старушки и семья умершего недавно грамотея. Из книг следует отметить Сборник XVII века, содержащий повесть об осаде Царьграда скифами, апокриф об Иоанне Предтече и другие статьи, исправный список XVIII века Поморских ответов и Синодик сгоревших в 1744 году.

В соседней деревушке Верховской удалось найти Сборник XVII века исторического и литературного содержания (Летописец, Повесть об Акире Премудром, Житие Петра царевича Ордынского и др.) и Триодь 1542 года с ценной записью писца о месте, времени и обстоятельствах написания книги.

Небольшая деревня Верховская, как и следующие за ней, еще меньшие деревеньки Левкинская и Новожиловская, являются выселками из деревни Скитской и возникли в XIX веке. Ныне крестьяне этих трех деревень входят в один колхоз им. К. Е. Ворошилова.

В деревнях Замогильник, Степановская, Чуркинская и Никоновская интересных рукописей не встречалось. Приобретенные рукописные книги содержат нотно-крюковые тексты XVII века и сборники XVIII века духовно-нравственных статей.

В Усть-Цильме я несколько раз слышал, что в деревне Степановской имеется сборник сочинений протопопа Аввакума, но найти его не удалось.

В деревне Чуркинской живет один из местных наставников Дмитрий Федорович Чуркин. Мы ожидали найти у него рукописные книги, так как много слышали о его начитанности и любви к старинной книге. Но, как выяснилось, рукописями он не интересуется, хотя знает их, читал в молодости и хорошо отличает от старопечатных изданий, что умеют делать теперь далеко не все такого рода грамотеи на Пижме. У Д. Ф. Чур-

кина оказались одни служебные старопечатные книги XVII—XVIII веков, которыми он пользуется в своей наставнической практике.

Ф. А. Каликин нашел у Чуркина всего одну рукопись XIX века. Это была Повесть о самосожжении на Пижме в 1744 году. Она лежала забытой хозяином на чердаке дома. Рукопись владетель охотно нам уступил. Уже находясь в селе Замежном, в семи километрах от деревни Чуркинской, мы получили от Д. Ф. Чуркина рукописную Минею XVI века, он разыскал ее в сарае после ухода Ф. А. Каликина и переслал с попутчиком.

В село Замежное мы приехали утром 12 июня, имея на руках несколько адресов местных собирателей рукописной старины. Село Замежное — самый большой населенный пункт здешнего края. Расположенное у излучины реки Пижмы, оно красиво разбросало свои постройки в зеленой котловине берега. Замежное — административный и культурный центр Пижмы. Еще издали виден флаг над зданием сельсовета, высокая радиомачта у дома культуры и огромное здание неполной средней школы на косогоре у реки.

Замежное до самого последнего времени считалось центром пижемского старообрядчества. После разгрома Великопоженского скита самые истовые и уважаемые на Пижме наставники жили именно здесь. В селе имелось много начетчиков, грамотеев и грамотниц. Правда, Замежное уже давно изменило свой прежний облик. Но наличие здесь в недавнем прошлом старообрядческого центра дает себя чувствовать и сейчас. В селе сохранилось большое количество старопечатных и рукописных книг, имеется несколько наставников и наставниц из стариков и старушек, доживающих свой век. Встречаются старушки и старички, готовые с жаром вести споры о правоте старой веры по сравнению с «никонианской прелестью». Промелькнет еще иногда черная полушалка на дряблых плечах: то «грамотница» спешит читать семнадцатую кафизму по покойнику. Совсем еще недавно жил в Замежном ветхий старичок, переписывавший по заказу каноны, кафизмы и святцы. Есть в Замежном (и не только в нем) и другие уголки, где старый быт скрюченной дряхлой рукой тщетно пытается еще продлить свое существование, но все дальше отступает он под неотразимым напором нового.

Наш домохозяин в Замежном, инвалид Отечественной войны Г. М. Чупров, посоветовал начать поиски рукописных книг с Афанасия Осиповича Осташова. Мне знаком был этот старик еще с 1937 года, когда я приезжал сюда студентом. Я познакомился с ним тогда в Усть-Цильме, а потом мы вместе за один день прошли пятьдесят два километра из Усть-Цильмы в Замежное. В его доме я провел в то время целый вечер, знакомясь с рукописями и старопечатными книгами, но рукописей не купил, так как у студента, приехавшего на Печору на собственный счет, денег было немного. А. О. Осташову понравилась моя охотничья фляжка, и я выменял на нее сборник XVIII века с сочинениями протопопа Аввакума. Уже тогда Осташову было 64 года; его собрание рукописей и старопечатных книг было самым большим в Замежном.

Афанасия Осиповича я застал за работой в глубине своего огорода. В мягких оленьих туфлях на босу ногу, в синей длинной рубашке, подпоясанный темным пояском, он с рубанком в руках мастерил оконные рамы для колхоза. Афанасий Осипович слывет лучшим столяром в Замежном

«Афонька Оськин», как зовут его по всей Пижме, раньше был одним из авторитетных наставников, слыл большим начетчиком. Сейчас он уже почти отошел от старины. Пижемцы по привычке несут к нему после смерти родителей на сохранение «досельную книгу». Старик хранит ее,

но уже не читает, разве только иногда заглянет в старопечатные издания, да и то не во все.

Афанасий Осипович не узнал меня. Поговорив с ним немного о рукописях и о здоровье (Осташов жаловался на открывшуюся в боку очень давнюю рану), мы пошли в избу. Сидя рядом со мной на скамье, долго рассказывал он о том, как лет двадцать назад был у него «человек из Москвы» и целый вечер смотрел рукописи и расспрашивал об Аввакуме. «Наверное не жив, надо быть, парень, война-то большая была. У меня вот три сына пали на войне», — заключил он свои воспоминания.

Мне почему-то было тяжело в этот момент признаться, и я молча сидел за столом, разглядывая старопечатные и рукописные книги. А Афанасий Осипович пододвигал ко мне одну книгу за другой. Некоторые из них были знакомы еще по 1937 году, но встречались и новые, не известные мне.

Я выбрал у Афанасия Осиповича восемь рукописных книг XVI—XIX веков. Среди них были Александрия, XVII века, Стоглав, XIX века; «История о взятии Соловецкого монастыря», XVIII века; Златоуст, XVI века; Сборник старообрядческих стихов и песен, XIX века и другие.

На предложение продать рукописи Институту старик ответил положительно, деньги взял сразу, на прощанье сказал: «Потом приходи, я еще поищу».

Афанасий Осипович действительно выполнил свое обещание. Побывавший у него на следующий день Ф. А. Каликин приобрел еще две рукописные книги: Старообрядческий полемический сборник XVIII века и крюковую рукопись XVII века.

В день отъезда из села я зашел к Афанасию Осиповичу, чтобы проститься. Старик передал мне только что найденную в чулане маленькую рукописную тетрадку XVIII века с «плачами» по Москве. Она отсырела и пахла плесенью. Он только что успел ее прочитать, но никак не мог припомнить, откуда эта интересная рукопись попала в его дом.

Другой заметный хранитель рукописной старины в Замежном — Михаил Семенович Поздеев. Это восьмидесятилетний старик, хорошо сложенный и прекрасно сохранившийся. Лицо его обрамляет большая круглая темная борода. Он всегда смотрит на вас испытующим, недоверчивым взглядом. Поздеев тоже духовный наставник местных староверов: он исповедует, хоронит, крестит детей. В былые годы он много поездил, бывал не раз в Москве и Петрограде, держал постоянные связи со столичными старообрядцами своего поморского согласия, выступал распространителем старообрядческой печатной книги на Печоре. В отличие от Афанасия Осиповича, он более начитан в богословской и полемической литературе, говорит более грамотно. Про него рассказывают на Пижме, что он всю жизнь на книгах просидел.

М. С. Поздеев хорошо знает местную рукописную старину, но о владельцах рукописей говорит неохотно, видимо, ему не совсем нравится, что рукописи увозятся из Пижмы. Поздеев, пожалуй, главный в Замежном, кто вершит «духовные дела». Около него всегда вертятся несколько грамотных старушек, помогающих ему в совершении церковных треб.

У М. С. Поздеева оказалось довольно много старопечатных книг XVII—XIX веков, несколько рукописей, в том числе хорошей сохранности рукописная Миняя конца XVI в. Миняю он нам не уступил, так как «почитывает», но соглашался обменять ее на печатную, если мы придем из Ленинграда.

Помимо книг, приобретенных от А. О. Осташова, мы купили в Замежном еще десять рукописей XVI—XIX веков. Сюда относятся уже упо-

мянутая жалоба пижемских крестьян на великопоженцев, Сборник XVIII века, содержащий рассказ о происхождении двуглавого орла на русском гербе, несколько старообрядческих стихотворений XIX века и другие.

Почти одновременно с поисками рукописей в Замежном мы производили розыски в соседней деревне Загривочной. Загривочная находится в шести километрах от села Замежного в сторону Усть-Цильмы, красиво раскинувшись по обоим берегам Пижмы. Правый берег реки здесь очень высок, и с этой части деревни открывается чудесный лесной вид на десяток километров. В недавнем прошлом в Загривочном было немало любителей старины. У некоторых из них имелись большие собрания рукописных и старопечатных книг. Владелец крупнейшего собрания в деревне Клеон Мартынович Носов поддерживал постоянную связь с московскими собирателями. Но он и один из первых начал содействовать уменьшению рукописной старины на Пижме, занимаясь обменом древних рукописных книг на новейшие издания московских старообрядческих типографий. По рассказам стариков, К. М. Носов кулями отправлял в Москву рукописи и получал взамен сотни печатных книг из типографии Г. К. Горбунова.

В настоящее время рукописных книг в деревне Загривочной сохранилось немного. В семьях бывших любителей и почитателей рукописной старины нам удалось приобрести всего 9 рукописей. Это были два Пролога XVI века, Житие Николы с прекрасными миниатюрами начала XIX века, два списка повести о 12 снах Шахаиши (Мамера), сборник духовных стихов середины XIX века и другие.

Наиболее крупным владельцем рукописей и книг сейчас в Загривочной является Иван Ульянович Поташов, семидесятипятилетний старик. Поташов отдает предпочтение старопечатным книгам, и рукописей у него немного. Старинное скорописное письмо он, как и почти все другие такие грамотеи, читать не умеет. От него мы приобрели Пролог XVI века, лицевое «Житие» Николы и роскошный поморский Октоих XIX века.

16 июня мы приехали в деревню Боровскую. Боровская — последний населенный пункт на Пижме на пути в Усть-Цильму. Кроме нее, нам предстояло обследовать еще небольшую пижемскую деревушку Абрамовскую, в пяти километрах от Боровской, в стороне от тракта.

В Боровской мы намеренно остановились у Феодосии Васильевны Чупровой, так как еще в Усть-Цильме слышали, что она хранит на чердаке своего дома большой сундук, доверху наполненный рукописями и старопечатными книгами. Мы с нетерпением ожидали, когда сундук будет открыт для нас, потому что хорошо знали историю семьи Ф. В. Чупровой.

Муж ее, Тимофей Перфильевич Чупров, был местным наставником, считался грамотеем на всю Пижму, отличался большой приверженностью к старине. В деревне Боровской он вместе со своим двоюродным братом, Тимофеем Семеновичем Чупровым, содержал молельню. Братья Чупровы занимались перепиской рукописей по заказу, были знакомы со многими старообрядцами Москвы, Петербурга и Нижнего-Новгорода. Оба брата умерли давно; Тимофей Перфильевич, кажется, еще в 1914 году. Все книги после них остались у Феодосии Васильевны Чупровой, и она в течение нескольких десятков лет хранила их, не давала зачитывать местным жителям.

Когда мы с Ф. А. Каликиным переступили порог ее дома, мы, признаться, были несколько обеспокоены, позволит ли нам познакомиться с рукописями, а тем более продаст ли их эта суровая по виду женщина,

похожая на истовую староверку-начетчицу. Но наши опасения оказались напрасными. Феодосия Васильевна как-то даже заметно обрадовалась, когда узнала, что рукописи, наконец, поступают, по ее выражению, в «надежные руки».

В ее огромном сундуке на чердаке и возле него в двух берестовых коробах мы нашли большое количество старопечатных книг XVII—XVIII веков и около трех десятков рукописей XVI—XIX веков.

От Ф. В. Чупровой мы приобрели 18 рукописных книг XVI—XIX веков. «Боровский сундук» составил почти третью часть наших пижемских приобретений. И по содержанию эти рукописи представляли немалый интерес. Здесь имелись: Сборник XVII века исторического содержания (Летописец и др.), Житие инока Елифанья, несколько древнерусских повестей (об Акире Премудром, о царевне Персике, о происхождении вина и др.), послание Герасима Фирсова, сборники духовных стихов и песен, старообрядческие стихи и памфлеты («Газета из ада»), сочинения протопопа Аввакума, письма XIX века местных деятелей старообрядчества, сочинения поморских писателей XVIII—XIX веков, местный синодик и многое другое.

У других жителей деревни Боровской ценных рукописных книг мы не встречали.

Поиски рукописного материала в деревне Абрамовской не дали хороших результатов, хотя здесь ранее и имелось несколько известных на Пижме собирателей рукописей. Было приобретено всего две рукописные книги. Но зато в этой деревне мы нашли наиболее старую рукопись из находок этого года — Псалтырь XV века, написанную красивым архаичным полууставом. Другая рукопись, обнаруженная в Абрамовской, содержит Повесть о самосожжениях на Пижме в 1744 году (список конца XIX века). Она была куплена у местного любителя старины Маркела Маркеловича Чупрова.

Держателями рукописной старины на Пижме, как видно из приведенных примеров, в основном выступают лица старшего поколения, знающие церковно-славянскую грамоту. Пополнение их собраний происходит главным образом путем пожертвований им книг родственниками умерших таких же грамотеев. Только очень немногие из них (С. Н. Антонов и А. О. Осташов) сами занимаются собиранием рукописей. Начитанные в церковно-славянской книге старики и старушки — основные современные хранители рукописной книги на Пижме. Пижма в этом отношении несколько не отличается от других мест Советского Союза, где еще сбереглись у населения древние рукописные книги и где тоже главными хранителями старинной письменности выступают старики.

Однако рукописная книга встречалась нам и в таких семьях, где в прошлом были грамотные люди, а теперь славянскую азбуку не знает никто. В этих домах рукописные книги часто лежали нетронутыми и даже забытыми с тех пор, как умер их владелец.

Независимо от того, у кого хранится рукописная книга в пижемских селах, она давно здесь потеряла практическое значение и сберегается больше в силу традиции, из-за уважения к «дедовой памяти», а нередко и просто потому, что лежит десятками лет забытая вместе с другим ненужным домашним имуществом. Только отдельные церковно-служебные рукописи (Псалтырь, служебная Миняя, Святцы) XVIII—XIX веков иногда используются старообрядческими начетчиками и наставниками в своей практике. Но и эти лица, насколько нам стало известно, почти всегда отдают предпочтение печатной книге, считая ее более авторитетной и более удобной для пользования.

Немало поэтому иногда приходилось употреблять усилий для того, чтобы напомнить владельцу о забытой им рукописи, заставить принести с поветей заброшенный короб или ящик с книгами.

Бывало так. Приходишь в избу, спрашиваешь хозяйку о рукописях, поясняешь ей, как они выглядят и что могут содержать. Для большей ясности употребляешь все названия, какие ты слышал про эти книги: «письменные и досельные», «славянские», «староверские». Это особенно важно для того, чтобы не принесли, как нередко случалось с нами не раз, старые школьные учебники и современные печатные книги. Хозяйка отвечает, что были такие у деда или бабки, но давно уже их нет в доме: розданы давно «на помин души» покойников грамотным старушкам. На помощь приходят дети хозяйки. Они недавно бегали по чердаку и высмотрели все.

«Мамка! А в бочке какие-то книги славянские лежат?», — говорят ребята. Мать посылает за книгами, начинает припоминать другие. На чердаке, в чулане слышится шум отодвигаемых ящиков, сундуков, бочек; в поиски включается весь дом. Тут выясняется, что одну книгу «в лицах» три года назад взяла тетка Дарья. Обычно самый младший из семьи посылается к тетке и приносит оттуда эту рукопись.

А бывает и так. Сидишь, сидишь в избе у хозяйки, ничего нет. Только дошел до соседнего дома, прибегает девочка и смущенно говорит: «Мамка книжку нашла. Велит придходить». Это хозяйка после нашего ухода вспомнила и разыскала рукопись.

Часто случалось и так. Зайдешь раз в дом к пижемцу, — книг нет; приходишь к нему же через два дня, — показывает несколько рукописей. Оказывается, на семейном совете установили, что у одного из братьев есть такие книги, и вот принесли их в тот дом, где мы были.

Учитывая все это, мы с Федором Антоновичем старались по несколько раз заходить к одним и тем же владельцам, но, разумеется, к тем, у которых предполагали наличие рукописного материала.

Другим нашим постоянным правилом было непременно самим подойти к шкафу или побывать на чердаке, в чулане и лично осмотреть место хранения рукописных книг. Это вызывалось тем, что многие владельцы ценность книг определяли по объему, по переплету с застешками, а маленькие грязные тетрадки и отдельные листы, подчас самые ценные из их рукописей, оставляли на месте как «негодящие куда».

Большинство владельцев уже давно не читали свои рукописи. Старинное скорописное письмо никто из них читать не умеет. Многие держатели рукописного материала не отличают книги старинной печати от рукописей, написанных полууставным письмом, и на этой почве у нас не раз создавались курьезные моменты. К нам, собирателям рукописей, население везде относилось вполне благожелательно, и это значительно облегчало поиски рукописной старины. Нередко рукописные книги отдавались бесплатно, когда узнавалось, что они идут для науки.

Сохранению на Пижме рукописной книги способствовало то, что долго этот край принадлежал к самым отдаленным и глухим уголкам нашей страны. Но главной причиной была особая консервативность местного старообрядчества, вызывавшая большую любовь к старинной культуре и обычаям. Пижемские старообрядцы были наиболее действенными на Печоре после старообрядцев Усть-Цильмы. Длительная приверженность пижемцев к «старой вере» наложила свой отпечаток на общественный быт, одежду, фольклор и т. д. В пижемских деревнях жили понятиями XVII века. Эти признаки глубокой старины держались вплоть до самой Великой Октябрьской социалистической революции. Да и сейчас еще иногда встречаются эти остатки далекого прошлого.

Имеются, например, еще в пижемских деревнях старички, готовые часами доказывать, что с помощью «древлего благочестия» легче попасть в рай, чем через «никонианскую прелестную шепотную веру». Многие потомки бывших староверов предпочитают и теперь по традиции легкому и удобному платью длинные тяжелые старомодные сарафаны и кофты древнего покроя с огромными рукавами.

17 июня в три часа утра в деревне Боровской мы расставались с гостеприимными пижемцами. Солнце было уже высоко и утренними молодыми лучами ласкало речку, лес и проснувшуюся деревню. Последние клочья тумана оседали на черных стволах прибрежных деревьев. Готовые в путь, мы сидели с Ф. А. Каликиным в лодке и ожидали, пока моторист закончит последние приготовления к отплытию. Проводить нас пришли бригадир колхоза Михаил Елизарович Чупров, внук Феодосии Васильевны Саша и двое ребят школьников, с которыми мы уже успели подружиться за короткое пребывание в деревне. Мы делились с бригадиром своими впечатлениями от поездки, а ребята стояли молча в стороне, и видно было, что им не хотелось с нами расставаться. В самый последний момент к берегу прибежала наша хозяйка с большим свертком бумаги: это она после нашего ухода обнаружила старинную книгу и принесла ее, чтобы нам передать в подарок. Новая находка оказалась печатной Триодью, изданной в старообрядческой типографии в Клинцах в XVIII веке. Чтобы не огорчать владелицу, мы взяли с собой книгу, поблагодарив хозяйку за любезность.

Но вот наша маленькая лодка слегка встрепенулась на воде, послышались учащенные удары мотора, и берег стал плавно отдаляться от нас. Провожаящие замахали кепками, руками. Мы, стоя, отвечали им тем же. В лице боровчан мы искренно желали всем пижемцам, трудолюбивому и общительному народу, успеха в труде, в строительстве новой жизни, сердечно благодарили их за сохранение для науки ценных рукописных книг.

* * *

После поездки на Пижму мы два дня провели в Усть-Цильме, проверив указанные нам новые адреса местных владельцев рукописных книг, но интересных рукописей у них не обнаружили. Но все же мы и на этот раз увозили из Усть-Цильмы две рукописные книги. Одну из них подарила А. Я. Кислякова. Это был интересный сборник середины XIX века местного письма, известный нам уже давно; до сих пор владелица никак не хотела с ним расстаться.¹ Другую рукопись о табаке мы нашли также в ранее известном нам собрании Я. Н. Чупрова.

Следующим этапом нашей работы были поиски рукописей в селениях, расположенных по реке Нерице, притоке Печоры. По лесистым красивым берегам этой реки имеются три довольно большие по здешним местам деревни: Нижняя Нерица, Ильинское и Черногорская. Население всех деревень смешанное: русские и коми. В прошлом это был еще более глухой и отсталый край, чем Пижма. Нам казалось, что здесь имелись налицо все условия для сохранения памятников старинной письменности. Мы ехали сюда в полной надежде найти рукописную книгу, но на Нерице не оказалось и следов ее. По всему видно было, что в здешних местах уже в XIX веке исчезла почва для ее сохранности: старообрядцы перевелись,

¹ Описание этого сборника см.: Труды ОДРЛ, VII, стр. 476—480. Более подробно описан нами теперь; см.: Приложения, I, № 35.

в каждой деревне имелась «никонианская» церковь, книги синодальной и другой церковной печати встречались всюду и давно оттеснили «досельную письменную книгу». Был на Нерице один старик-начетчик, любитель старых книг — Зиновий Бабилов, но он уже много лет живет на замшевом заводе, около Усть-Цильмы. Не желая тратить понапрасну время, мы отказались от поездки в деревню Черногорскую, обследовав лишь две первые, тем более, что путь в нее был не близкий и пришлось бы потерять еще несколько дней.

На обратном пути из Нерицы была обследована маленькая деревушка Мазалино, находящаяся около берега Печоры, неподалеку от устья реки Нерицы. Здесь мы видели несколько служебных рукописей XVIII—XIX веков, не представляющих, однако, научного интереса.

Все оставшиеся дни были употреблены на обследование сел и деревень, расположенных ниже Усть-Цильмы до самого Нарьян-Мара. Недостаток времени не позволил побывать во всех населенных пунктах низовой Печоры. Пришлось их брать выборочно, с учетом возможности рукописных находок. Поэтому мы останавливались по преимуществу в местах, связанных в прошлом с очагами старообрядчества. Однако мы посетили и те села, в которых никогда не было старообрядцев.

Рукописная традиция на низовой Печоре начала затухать давно, значительно раньше, чем в Усть-Цильме, на Пижме и Цильме. Старообрядчество здесь, по выражению устьцилемцев, «давно расшаталось», и потому в низовых селах не имелось тех условий, какие способствовали сохранению рукописной традиции в старообрядческих селах Пижмы, Цильмы и в селе Усть-Цильме.

Все же мы с Ф. А. Каликиным побывали в девятнадцати населенных пунктах низовой Печоры, не считая двух нерицких сел, производили поиски рукописей и в самом Нарьян-Маре. Мы посетили следующие пункты Усть-Цилемского района и Ненецкого национального округа: села Андига, Бедовое, Новый Бор, Оксино, Росьвино, Тельвиски; деревни Абрамовка, Екуши, Ермица, Захребетная, Калюши, Качгорт, Кармановка, Климовка, Марьица, Мыза, На бору, Угольная и Уег.

Нельзя сказать, чтобы в низовьях Печоры совсем не было видно рукописных книг: нам их встретилось там около трех десятков. Но в своем большинстве это были церковно-служебные рукописи XVIII—XIX веков и притом такие, которые и теперь иногда находят еще применение в практике старообрядцев беспоповцев (чин исповеди, 17 кафизма, чин крещения и т. п.). Изредка попадались случайно сохранившиеся и мало интересные старообрядческие полемические сочинения.

Наибольшее количество рукописных книг встретилось в селениях, входящих ныне в городскую черту Нарьян-Мара (деревни Калюши, Угольная, Качгорт и др.). Но держателями рукописей здесь были не коренные местные жители, а недавние выходцы из Усть-Цильмы и пижемских и цилемских деревень.

На низовой Печоре мы приобрели всего семь рукописных книг XVIII—XIX веков. Они не выделяются и по содержанию: «История о взятии Соловецкого монастыря», XVIII века, сборник старообрядческих стихов и песен, XIX века, послание неизвестного автора XVIII века о пользе перехода в староверчество, написанное под сильным влиянием стиля посланий протопопа Аввакума, и другие.

Пребывание на Пижме, Нерице и в селениях низовой Печоры еще раз наглядно показало, что искать рукописные материалы следует по преимуществу в местах, некогда связанных с очагами старообрядчества. Его

интерес к старине способствовал бережному отношению к «досельной письменной» книге, а в нее заносились нередко ценнейшие памятники древнерусской литературы.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Краткая охранная опись рукописных книг, собранных Ф. А. Каликиным и В. И. Малышевым на Печоре в 1955 году

1. Рукописи исторического и литературного содержания

1. Александрия, второй половины XVII в., в 8-ку, 149 л., полуустав, без переплета. Текст без конца. На рукописи несколько читательских отзывов XIX в., в том числе крестьянина Ивана Саввиновича Ляпунова из деревни Волгорской Мезенского округа.

2. Сборник, последней четверти XVII в., в 4-ку, 124 л., скоропись, без переплета. Содержание: Летописец русский (краткий), выписки из Степенной книги и Хронографа, относящиеся к русской и всемирной истории, Житие Николы, описание Иерусалима (без начала и конца) — возможно русское сочинение, и др.

3. Сборная рукопись, конца XVII—начала XVIII в., в 4-ку, 209 л., скоропись, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей. Содержание: Летописец русский (краткий, без начала и конца), «Сказание о премудром Акире», Житие и чудеса Исидора ростовского, Житие и чудеса Иринарха Борисоглебского, Житие Петра царевича Ордынского (без начала и конца), «чудо» Леонтия ростовского о земле, Слово о Никите Переяславском, Слово о Иосифе прекрасном, слова и поучения Ефрема Сирина, Ивана Златоуста, Жития Георгия, Марии Египетской и др. Записи: 1) Осипа Степанова (XVIII в.) о держании книги от апреля до ноября; 2) Федора Стефанова, новгородца, владельческая от 1704 г.

4. Сборная рукопись, XVII в., в 4-ку, 214 л., полуустав нескольких почерков, переплет досчатый, покрытый черной кожей, с двумя железными застежками. Содержание: Повесть о царе Ираклии (об осаде Царьграда скифами и персами), апокриф о хождении Иоанна Предтечи в ад, слова и поучения Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, Кирилла Философа и др. Первый лист при переплете рукописи содержит заявление крестьян села Усть-Цильмы на имя печорского исправника о желании их принять присягу новому государю Николаю Александровичу (Николаю II).

5. Челобитная Максима Васильевича Городецкого в Нижегородский приказ о побеге от него нескольких его крепостных крестьян (из д. Черницыно) «со всеми животы», 1706 г., 1 л., скоропись.

6. Сборная рукопись, первой четверти XVIII в., в 8-ку, 251 л., полуустав и скоропись, переплет досчатый, покрытый кожей. Содержание Сборника составляют слова и поучения учительного и богословского характера (об объядении, дружбе, о пьянстве, целомудрии, милосердии, о тайнах божиих и т. п.), принадлежащие Иоанну Златоусту, Ефрему Сирину, Василию Великому и др., а также статьи из Пчелы, Лествицы, Стоглава, Зерцала мирозрительного, Диоптры, Соловецкого устава, выдержки из Поучения Иосифа, патриарха московского, и др.

7. Сборник духовных стихов и песнопений, на крюках, первой половины XVIII в., в 32 долю листа, 83 л., полуустав, переплет

из картона и кожи, сделан в виде сумки с завязкой. Содержание: стих на смерть Андрея Денисова, стих о гробе и др.

8. Поморские ответы, второй половины XVIII в., в 4-ку, 214 л., полуустав, переплет досчатый, обтянутый орнаментированной кожей, с двумя медными застежками. В рукописи имеется заставка-рамка, исполненная чернилами и красками, и на полях большое количество различных изображений крестного знамени. На первый лист наклеен лист из другой рукописи с текстом из «Златой цепи» о вреде пьянства.

9. История о взятии Соловецкого монастыря Семена Денисова, последней четверти XVIII в. (бумага 1780—1781 гг.), в 4-ку, 50 л., полуустав, без переплета.

10. Сборная рукопись, первой четверти и конца XVIII в. в 8-ку, 75 л., полуустав, переплет картонный, покрытый орнаментированной кожей. Содержание: старообрядческое поморское сочинение о крестном знамении, похвальное слово Тихвинской иконе Богородице (тоже старообрядческое поморское сочинение), поучения Ефрема Сирина, Канон благодарственный Богородице Одигитрии, тропарь Спасу и др.

11. Сборник старообрядческих (поморских) сочинений, третьей четверти XVIII в., в 8-ку, 321 л., скоропись, переплет картонный, покрытый кожей. Содержание: «О форме всякого креста», послание Герасима Фирсова в Соловецкий монастырь, «Обличение на желающих нововодство свое утвердить» Андрея Денисова, «Зитуменос» Алексея Иродионова, Слово Ипполита папы Римского о скончании мира, «Послание етера от христиан... к другу» какого-то поморского писателя. В рукописи две пометы хозяйственного значения и неразборчивая владельческая запись карандашом.

12. Сборник, середины XVIII в., в 8-ку, 287 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый кожей, сохранилась одна медная застежка. Содержание: сказания и повести учительного содержания (о послушании, смирении, милосердии, любви, терпении, против клеветы, осуждения ближнего и т. п.), слова Ивана Златоуста, Ефрема Сирина, Григория Великого, Евагрия мниха, Кирилла Александрийского, Федора Студита и др., «Чудо» Николы о Василии сыне Агрикове и другие статьи. На нижней доске переплета подклеен черновик челобитной конца XVII в. какого-то крестьянина, усольца, к своим помещикам Строгановым.

13. Народная песня «А во поли рябинушка стелится», середины XVIII в., в 8-ку, 1 л., скоропись. Дар В. М. Маркова.

14. Сборник, конца XVIII в., в 8-ку, 168 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый кожей. Содержание: короткие повести и сказания патеричного и проложного характера, повести из Великого Зерцала, Слова и поучения Ивана Златоуста, Житие Алексея — человека Божия и др. Записи: 1) крестьянина Николая Никифоровича Анфимова о чтении книги, XIX в.; 2) крестьянина Анания Фотиевича Бобрецова о чтении, 1906 г.

15. Повесть о табаке, конца XVIII в., в 8-ку, 23 л., полуустав, тетрадка в бумажной обложке.

16. История о взятии Соловецкого монастыря Семена Денисова, конца XVIII в. (бумага 1788—1789 гг.), в 4-ку, 79 л., полуустав, переплет картонный, обтянутый тисненой черной кожей.

17. Сборник, конца XVIII в., в 8-ку, 73 л., полуустав, переплет из кожи и картона. Содержание: послание неизвестного автора XVIII в. к «друзьям, советникам, братии, приятелям и сродникам» о пользе перехода в староверчество, о приходе антихриста и т. п. и несколько сочинений, повидимому того же лица, о различии обрядов староверов и никониан,

о священстве, крещении, причастии и т. д. Сочинения, возможно, принадлежат кому-нибудь из поморских или же великопоженских (пижемских) писателей XVIII в., так как их сочинитель выступает от лица неких скитян. На верхней корке переплета почерком XVIII в. написаны две поговорки: 1) «Стоит виноград зелен да не сладок, млад ум да не крепок», 2) «Прилипается печать к мяхкому воску, такождь и ученью ко младом детем».

18. Сборник духовно-нравственного содержания, конца XVIII в. (бумага 1794 г.), в 8-ку, 247 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый черной кожей, с одной медной застежкой. Содержание: выписки из «Пчелы», «Повесть о некоей девице», короткие рассказы, поучения, сказания патеричного характера.

19. Два «плача» по Москве, конца XVIII в., в 8-ку, 9 л., полуустав, переплет бумажный. Поморские сочинения. Имеется владельческая помета некоего Тимофея Григорьева, XIX в. Обложка переплета склеена из старого письма (это письмо адресовано было Семену Алексеевичу Чуркину, в деревню Степановскую). (Публикуется в Приложении II, № 1).

20. Сборник, конца XVIII в., в 8-ку, 203 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей, сохранилась одна медная застежка. Содержание: Житие инока Епифания (не автобиография), «О омраченном пьянстве» (выписка из «Книги о вере» о посте и пьянстве), слова и поучения Иллариона Великого, Житие Марии Египетской, Слово Палладия мниха о втором пришествии и др. На внутренних частях корок переплета и на чистых листах имеются приходо-расходные записи, датированные 1866 г. (о стоимости продуктов, хозяйственных товаров и пр.).

21. Сборная рукопись, конца XVIII и первой трети XIX в. (бумага 1790—1826 гг.), в 4-ку, 216 л., полуустав нескольких почерков, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей. Содержание: Сказание о происхождении русского двуглавого орла («Выписано из московского Летописца») — рукопись конца XVIII в. (бумага 1790 г.), толкование евангельского текста «Уподобися царствие небесное десяти девам» Андрея Денисова, Слово неизвестного поморского писателя на евангельский текст «Странен бех и введоста мя», повести и слова о «наказании чад», почитании книг, взятые из Патерика, Пролога, Синаксаря, Старчества и других книг.

22. Письмо неизвестного лица к Матвею Абрамовичу о досылке последним двух рублей, необходимых для откупа его от выборной должности полесовщика, первой половины XIX в., в 4-ку, 1 л., скоропись. (Публикуется в Приложении II, № 3).

23. Сборная рукопись, второй половины XVIII и первой четверти XIX в., в 4-ку, 79 л., полуустав, переплет картонный, покрытый кожей с тиснением. Содержание: Житие, чудеса и молитва Авраамия Смоленского, стих о пустыне, устав скитский о еде на все дни года, «Повесть душеполезна о Аммоние мнихе» и другие статьи. В XIX в. рукопись принадлежала устьицелемцам Аврааму Мяндину и Степану Афиногеновичу Носову.

24. Житие, чудеса, похвальное слово и служба Николы Мирликийского, (лицевое) конца XVIII—начала XIX в., в 4-ку, 190 л., поморский полуустав, переплет досчатый, покрытый черной кожей. Житие сопровождается 31 миниатюрой в красках и имеет несколько заставок, нарисованных чернилами и красками. Рукопись поморской, выговской, работы. На л. 2 есть запись от 1806 г. о принадлежности книги

крестьянину Афанасию Антонову, из села Сергеева, Выгорецкой Верховской трети, Повенецкого уезда. Кроме того, имеется запись печорца Василия Андроновича Осташова и его печатный именной штамп.

25. Житие протопопа Аввакума с добавлением челобитной (пятой) Аввакума к царю Алексею Михайловичу и «Видения» Благовещенского протопопа Терентия, начала XIX в., в 4-ку, 83 л., поморский полуустав, одна заставка в красках, переплет картонный с кожаным корешком. Записи: 1) крестьянина-устыцилемца Ивана Мяндина о чтении рукописи в 1840 г., 2) «Сия книга, тетрять поэта Венедиктова Антонова. Переплетал 1838 года», 3) «Книга Аввакума протопопа была книга Матвеева, а она была дана почитать Алексею Мироновичу. Алексей Миронович благословил Клеовону Мартыновичу Носову 1864 года, месяца февраля 20 дня». Житие относится к редакции «А» (по классификации Я. Л. Барскова).¹

26. Стих о грешниках, забывших о страшном суде («А как жили мы»), начала XIX в., в 8-ку, 12 л., полуустав, тетрадка без обложки.

27. Синодик поморский с прибавлением местных, пижемских, статей, начала XIX в., в 4-ку, 200 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый черной орнаментированной кожей, с двумя медными застежками.

28. Сборник, начала XIX в., в 8-ку, 32 л., полуустав и скоропись, без переплета. Содержание: стих об Адаме, стих о смертном часе, стих на смерть Даниила Викулина, стих-молитва Богородице и др.

29. Синодик поморский с прибавлением местных, пижемских, статей, начала XIX в., в 8-ку, 130 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей, с одной медной застежкой.

30. Сборник духовно-нравственного содержания, первой четверти XIX в. (бумага 1823 г.), в 4-ку, 184 л., скоропись, без переплета. Содержание: статьи из Зерцала Богословия, повести и рассказы учительного содержания патеричного и проложного характера, поучения, жития (Меланьи Римлянки, Анастасии «узорешительницы») и др. Имеется владельческая запись устыцилемца Ивана Ивановича Мяндина.

31. Письмо лексинца Семена Дорофеевича на Пижму Ивану Евстафьевичу о высылке последнему икон и о безрезультатных поисках на Лексе для него каких-то книг, 1824 г. (бумага 1818 г.), в 4-ку, 2 л. Судя по письму, этот Иван Евстафьевич был одним из благотворителей Лексинского общежительства и жил, повидимому, на Пижме (письмо найдено в деревне Боровской). (Публикуется в Приложении II, № 4).

32. Стих «А как жили мы грешницы», первой четверти XIX в., в 8-ку, 8 л., полуустав, без переплета.

33. Повесть о самосожжении на Пижме в 1744 г., первой трети XIX в., в 8-ку, 16 л., полуустав, тетрадка в обложке из серого картона.

34. Письмо верховских и чуркинских крестьян в Усть-Цилемское волостное правление о незакон-

¹ См еще новые списки Жития Аввакума: 1) ГПБ, Q.1.484. (собр. И. Сахарова), рукопись 20-х годов XIX в., в 4-ку. Поморский полуустав, 87 л., первая редакция («А»); 2) Библиотека Калининского Гос педагогического института, № 2, рукопись XVIII в., в 8-ку, 145 л., скоропись, вторая редакция («Б»); см. также рукопись этого института № 3, XVIII в., содержащую выписки из Жития Аввакума; 3) Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР, поступление 1954 г., разряд IV, № 22/4, сборник начала XIX в., в 4-ку, лл. 61 об. — 92 об., скоропись, текст без начала и конца, подновлен позднейшим переписчиком.

ном захвате у них земли и сенокосных угодий жителями Великопоженского скита и о другом, середины XIX в., в 4-ку, 1 л., скоропись. (Публикуется в Приложении II, № 2).

35. Сборник, середины XIX в., в 16 долю листа, 366 л., полуустав, переплет досчатый, обтянутый кожей с тиснением. На первых листах несколько читательских записей, в том числе известного на Печоре в XIX в. переписчика рукописей Андрея Михайловича Бажукова о прочтении им «до конца» книги в 1891 г. Сборник в начале имеет оглавление, не доведенное, однако, до конца, и внутри деление на главы, обрывающиеся на 49-й главе. Бумага Угличской фабрики и фабрик Сумкина, Платунова и Рязанцевых. Содержание: Повесть («чудо») о быке — устьцилемское произведение XVIII в.,¹ повести об Акире Премудром, о царе Аггее, о царевне Персике, об Антонии Галичанине, об очах человеческих, о богатом и-убогом (о пользе нищелюбия), о пьянице, устроившим мост, о некоем царе, о почитании нищих и убогих, о вреде стяжательства и др.; сказания об удалении от женской прелести, о четырех временах года, Слово о пришествии антихриста (старобрядческое поморское сочинение), выписки из «Пчелы», Скитского патерика, Великого Зерцала, Цветника аввы Доромея, Пролога, Старчества, Благовестника, Лимониса, «Устава о христианском житии», Большого Катихизиса и других книг, «Притча» о богатых и златолюбивых, Слово об удалении от мирских соблазнов, выписки из сочинений Кирилла Александрийского, Палладия мниха, Мефодия Патарского, Ипполиты папы Римского, Григория Богослова, Иларияна Великого, выписки из книг уставного характера и др. Дар А. Я. Кисляковой.

36. Сборник духовных стихов, середины XIX в., в 8-ку, 22 л., полуустав, тетрадка с бумажной обложкой. Содержание: «Плач» Иосифа Прекрасного, стих-молитва Богородицы, стих о распятии господни, стих молебный Иоасафа царевича Индийского.

37. Сборник, третьей четверти XIX в., в 8-ку, 35 л., полуустав, переплет бумажный. Содержание: Сказание о 12 пятницах, сон Богородицы и статьи церковно-служебного характера. На рукописи есть владельческая запись пижемца Ивана Елизаровича Чупрова.

38. Сборник, третьей четверти XIX в., в 8-ку, 32 л., полуустав, переплет бумажный. Содержание: Сказание о 12 пятницах, сон Богородицы и статьи церковно-служебного характера. Владельческая запись устьцилемца Ивана Чупрова.

39. Сборник, третьей четверти XIX в., в 8-ку, 84 л., полуустав, переплет картонный. Содержание: Стих об Алексее — человеке Божьем (без начала), стих о смертном часе, стих о распятии Христовом, «Наказание духовником», разные статьи уставного и служебного характера.

40. Сборник духовных стихов, третьей четверти XIX в., в 8-ку, 24 л., полуустав, тетрадка с бумажной обложкой. Содержание: стих молебный Иоасафа царевича Индийского, стих-плач преболезненного кафолика, стих о душе, стих о распятии Христовом. Владельческая запись Чупрова Ивана Елизаровича, современного письма.

41. Синодик лиц, сгоревших в Великопоженском общежительстве в 1744 г., третьей четверти XIX в., в 8-ку, 4 л., полуустав, без переплета.

42. Стоглав, второй половины XIX в., в 4-ку, 394 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый коричневой орнаментированной кожей. В начале текста — заставка-рамка, исполненная пером и красками, очень грубой работы.

¹ Опубликовано по этому списку в «Трудах ОДРЛ» (VII, стр. 476—480).

43. Повесть о 12 снах Шахаиши (Мамера), второй половины XIX в., в 8-ку, 16 лл., полуустав, тетрадка без обложки, написана Кириллом Чупровым.

44. Повесть о самосожжении на Пижме в 1744 году, конца XIX в., в 4-ку, 11 лл., полуустав, без переплета, в рукописи недостает одного листа (4-го) с текстом. В конце добавлена выписка из послания Фотия митрополита во Псков об обязательности покаяния у отца духовного.

45. Сборник духовных стихов, 1886 г., в 16 долю листа, 70 лл., полуустав, переплет картонный, с кожаным корешком. Содержание: стих-молитва Богородице, стих о распятии Христовом, стих-плач Иосифа Прекрасного, стих-плач преболезненного кафолика, стих о юности, стих на день рождения Андрея Борисова, стих о страшном суде, стих о Кане Галилейской. На внутренней стороне нижней корки переплета запись: «Писал стихи Фотий Бобрецов, 7394 (1886) года, 7 апреля».

46. Иерусалимский свиток, конца XIX в., в 8-ку, 14 лл., полуустав, тетрадка в бумажной обложке.

47. Иерусалимский свиток, конца XIX в., в 8-ку, 10 лл., полуустав, без переплета.

48. «Газета из ада», конца XIX—начала XX в., в 8-ку, 8 лл., подражание полууставу, без переплета. Начало текста утеряно.

49. Воззвание к юношам (стихотворение против «женской прелести»), первого десятилетия XX в., в 8-ку, 4 лл., полуустав, переходящий в скоропись, без переплета.

50. Стих об Иосифе Прекрасном и стих о райской птичке и иноке, 1916 г., в 4-ку, 12 лл., полуустав, без переплета. Стих об Иосифе Прекрасном, без начала. В конце книги запись: «Велел писать сии стихи Прокопий Тимофеевич Поташов. Писал Стефан Афиногенович Носов, 1916 года, апреля 7».

51. Сборник духовных стихов, новейшего письма, в 8-ку, подражание полууставу, тетрадка в бумажной обложке. Содержание: стихи Плач Иосифа Прекрасного, о распятии Христовом, об умилении души и на рождество Христово. На нижней обложке имеются записи о погоде, датированные декабрем 1924 г.

52. Стих о смерти, новейшего письма, в 16 долю листа, 10 лл., полуустав, без переплета.

53. Сон Богородицы, новейшего письма, в 8-ку, 3 лл., начала текста недостает, тетрадка без переплета.

54. Два отрывка из сочинений протопопа Аввакума (из «Послания» к неизвестному), конца XIX—начала XX веков, 6 лл., полуустав, тетрадка в бумажной обложке с заглавием в рамке. Гектографированное старообрядческое издание, возможно, купца Безводина.

2. Церковно-служебные рукописи

55. Псалтырь с добавлениями, второй половины XV в., в 4-ку, 185 лл., красивый прямой полуустав, переплет XV в., досчатый, с четырьмя железными жуками и одним медным «жуком», кожа переплета не сохранилась. Водяной знак буква «Р» с раструбом внизу и бантом в середине, с цветком наверху. Лл. 1—14 и 153—185 дописаны позднее: лл. 1—14 — в XVI в., лл. 153—185 — в конце XV в. На внутренней стороне нижней крышки переплета запись: «Лета 7081 (1573 г.) марта в... день подписал сию книгу многогрешной Ондрейко Яковлев сын Попов».

56. Троида постная, 1542 г., в 4-ку, 318 лл., полуустав, переплет досчатый, покрытый черной замшей. На последнем листе рукописи имеется

следующая запись: «В лето 7050 (1542), месеца апреля в 27 день, и на память святаго священномученика Симеона сродника господня по плоти, почата бысть книга сия писати, глаголемая треодь, в обители святых и живоначальных Троица Сергиева монастыря, при державе государя, великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и при внуце его благородном великом князи Дмитрие Ивановиче всея Руси, и при освещенном митрополите Симоне всея Руси, и по благословению Троицкого Сергиева монастыря господина игумена Серапиона, духовного настоятеля. А написана бысть книга сия месеца июня в 6 день и на память преподобнаго отца нашего Ессыя, а рукою многогрешнаго раба божия Василя». В конце рукописи есть помета от 1672 г. о продаже Троицы калужским (васильевским) попом Григорием. Возможно, рукопись была написана для игумена Серапиона и принадлежала ему, о чем свидетельствует часть владельческой надписи «Серапиону», сохранившейся на приклеенных к нижней части переплета листах из нотной рукописи XVI в. Имеется еще несколько помет XVII—XVIII вв., не представляющих особого интереса.

57. Пролог полугодовой (сентябрь—февраль), первой половины XVI в., в лист, 515 лл., полуустав, письмо в два столбца, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей, с одной уцелевшей медной застежкой. Водяной знак бумаги — перчатка с пятиконечной звездой. Внизу по листам имеется длинная надпись скорописью конца XVII в., из которой видно, что холмогорец Федор Иванов сын Шебунин купил этот Пролог в Неноксе у ненокшанина Михаила Иванова сына Трапезникова за девятнадцать алтын.

58. Златоуст, середины XVI в., в лист, 524 лл., полуустав, переплет досчатый, покрытый черной кожей, с одной сохранившейся медной застежкой. Филлигрань — перчатка с шестиконечной звездой. Начальные два листа XVIII в., на первом — небольшая заставка, нарисованная красками.

59. Пролог полугодовой (март—август), конца XVI в., в лист, 510 лл., полуустав, от переплета сохранилась лишь половина нижней доски с одним медным «жуком». Сохранность плохая, многие листы порваны, распад бумаги. Водяной знак — небольшой кувшин с цветком и буквами «РА».

60. Пролог (декабрь—февраль), конца XVI—начала XVII в., в лист, 306 лл., полуустав, переходящий в скоропись, письмо в два столбца, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей. Водяной знак — кувшинчики, в том числе кувшинчик с двумя ручками, цветами и буквой «М» посередине. Записи: 1) крестьянина-устьицеца Емельяна Авраамовича Чупрова о покупке им книги «за два целковых»; 2) Емельяна Иванова о том, что данный Пролог достался ему по «даровщине»; фамилия и имя написаны при помощи простой буквенной литеи (тайнописи); 3) Ивана Ал. Чупрова. Все три надписи сделаны в XIX в. Авраам Чупров — основатель в XIX в. деревни Авраамовской (на Пижме), Емельян — сын его.

61. Сборная нотная рукопись, конца XVI в., в 8-ку, 184 лл., полуустав, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей, одновременный с рукописью. На л. 104 об. помета соликамского посадского человека Ивана Свалова. На л. 138 большая (во весь лист), раскрашенная красками и чернилами буква «С» служит началом следующей записи: «Сия тетрадь Александра Свалова сына Усоляда». Рукопись содержит Октоих, Стихирарь и другие служебно-певческие тексты.

62. Минея служебная (общая), XVI в., в 4-ку, 182 л., полуустав, без переплета. Сохранность плохая, начала и конца недостает.

63. Сборная служебная рукопись (Акафист и Молитвослов), конца XVI—середины XVII в., в 16 долю листа, 153 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей. Акафист написан в конце XVI в., Молитвослов — в XVII в., имеет имя переписчика — Леонтия. На листах рукописи несколько владельческих помет XVIII—XIX вв.: 1) Осипа Терентьевича Носова и 2) сына его Петра Осиповича.

64. Сборник нотно-крюковой (Ирмологий, Обиход и др.), первой половины XVII в., в 8-ку, 178 л., полуустав, переплет досчатый, обтянутый орнаментированной кожей. В рукописи несколько владельческих записей и помет XVII в. с датами, в том числе Дементия Меркульева (от 1640 г.), Василия Меркульева и вытегорца Леонтия Богданова сына Лиханова (подписал брат его Ивашко). На л. 15 дата от 1655 г.

65. Ирмологий нотно-крюковой, конца XVII в., в 8-ку, 210 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый черной орнаментированной кожей. В начале текста имеется заставка-рамка, исполненная черными чернилами.

66. Сборник нотно-крюковой (Ирмологий, Октоих, Обиход, Стихирарь), конца XVII в., в 8-ку, 351 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый кожей. В рукописи имеются две небольшие заставки, исполненные черными чернилами. Владельческие записи: 1) Трифона Ивановича Дуркина, XVIII в.; 2) Прокопия Евлампиевича Чупрова, 1862 г.

67. Стихирарь, нотно-крюковой, конца XVII в., в 8-ку, 70 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей, нижняя часть кожи переплета не сохранилась.

68. Часовник, XVII в., в 8-ку, 121 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей.

69. Сборник нотно-крюковой (Ирмологий, Октоих, Стихирарь праздничный и др.), XVII в., в 8-ку, 292 л., полуустав, переплета нет. Начало рукописи отсутствует.

70. Октоих крюковой, начала XVIII в., в 8-ку, 152 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый черной орнаментированной кожей. На л. 4 об. запись почерком XVIII столетия: «Сию книгу писал Иван Кирилов. Хорошо с Ивана рука, цесьна, дорога, приятная людем. Хороша, кажет люди, почетати, похваляте и величате его руку. Люди и знают и люди писать посылают ему».

71. Октоих и Стихирарь праздничный, первой четверти XVIII в., в 8-ку, 247 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей, с двумя медными застежками. Семь заставок, исполненных красками, и одна заставка-рамка, написанная красками, чернилами и золотом. Помета крестьянина-устыдилемца Ивана Мяндина о стоимости книги в 10 рублей и владельческая запись Григория Агаркова (XIX в.).

72. Октоих крюковой, конца XVIII в., в 4-ку, 204 л., полуустав, с 16 заставками в красках и золоте и с 16 большими киноварными инициалами, переплет досчатый, покрытый черной орнаментированной кожей. Рукопись поморской, выго-лексинской, работы. В конце — запись от 1805 г. о продаже Октоиха Александром Ефремовым Ефиму Семенову за двадцать рублей. Тут же круглый именной штамп Ивана Родионова Кислякова из Усть-Цильмы, а на первых листах его личная роспись.

73. Чин скитского крещения, конца XVIII в. (бумага 1790 г.), в 8-ку, полуустав, без переплета, тетрадка.

74. Чин исповеди женщин (скитский, поморский), конца XVIII в. (бумага 1789 г.), в 8-ку, 32 л., полуустав, переплет бумажный, оклеенный черной кожей.

75. О ктoих нотнo-крюкoвoй, кoнцa XVIII в., в 4-ку, 214 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый черной орнаментированной кожей, сохранилась одна медная застежка. На л. 1 заставка-рамка в красках и золоте. На л. 1 об. инициал «Р» написан красками и золотом, тонкой художественной работы. Имеется именной штамп Клеона Мартыновича Носова из деревни Загривочной (Пижма).

76. Устав иноческий, начала XIX в., в 8-ку, 35 л., поморский полуустав, без переплета.

77. Отдельные листы из разных рукописей XVII—XIX вв., 17 л.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

В Приложении II издаются следующие материалы: 1) «Плачи» по Москве, конца XVIII в.; 2) Письмо верховских и чуркинских крестьян в Усть-Цилемское волостное правление, середины XIX в.; 3) Письмо неизвестного лица на Пижму к Матвею Абрамовичу, первой половины XIX в.; 4) Письмо лексинца Семена Дорофеевича на Пижму Ивану Евстафьевичу, 1824 г.

Все тексты публикуются в упрощенной орфографии, но с сохранением фонетических особенностей оригинала. Буквы и слова в квадратных скобках добавлены нами.

1. «Плачи» по Москве, издаваемые по рукописи конца XVIII в. (см. выше, Краткая охранная опись, № 19), представляют собой литературный отклик, и едва ли не один из первых,¹ на эпидемию чумы, свирепствовавшую в Москве в 1770—1771 годах. Чума эта нанесла москвичам огромные жертвы и большой материальный ущерб. Болезнь унесла свыше ста тысяч жителей Москвы. Более трех тысяч домов стояли заколоченными. В момент наивысшего подъема болезни в городе ежедневно умирало до тысячи человек. Не успевали вывозить мертвые тела. Торговля и культурная жизнь огромного города почти замерла. «Моровое поветрие» распространялось весьма упорно и держалось около двух лет. Продолжительности болезни способствовали недостаточность и неподготовленность медицинского и санитарного персонала и надзора, невежество населения, антисанитарное состояние города. Больше всего страдали от эпидемии неимущие слои населения Москвы — рабочие, ремесленники и т. д.

Размах и стойкость эпидемии глубоко потрясли умы москвичей, увидевших в заразной болезни наказание, «кару Божию» за «грехи». Крутые меры властей, взяточничество и вымогательство со стороны отдельных представителей медицинского персонала вызывали резкие протесты. Дело доходило до народных волнений, сопровождавшихся разгромом карантинных, убийством врачей и духовных лиц. Невежественная часть населения враждебно встречала предохранительные санитарные меры, утаивала больных.²

«Плачи» изложены в форме риторических посланий, обращенных к москвичам, оказавшимся в тяжелом положении. Цель «плачей» поднять дух горожан, подбодрить их. Сочинитель верит, что чума — временное явление и скоро должна пройти. Не надо только терять самообладания

¹ См.: Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 9. М., 1871, №№ 302 и 304 (стихи XVIII в. о московской чуме 1770—1771 гг.).

² Ф. А. Дербек. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени СПб., 1905, стр. 125—181. См. также: Описание моровой язвы, бывшей в столичном граде Москве 1770—1771 гг. СПб., 1775 г.

и следует больше оказывать помощи ближнему («сильную милость до всех присовокупите»). Автор «плачей», несомненно, хорошо знал Москву, подолгу жил в ней, поддерживал постоянные связи с москвичами. Отсюда довольно точные сведения, приводимые им о жертвах чумы: тысячи ежедневно умирающих, пять тысяч заброшенных, вымерших домов.

Скорее всего автором «плачей» был один из старообрядцев поморского согласия, временно проживавший в городе, может быть, выходец из Выго-Лексинского общежительства, где он мог обучиться писанию риторических сочинений и где именно такая литературная форма «плачей» была очень распространена в то время. Возможно, он был близок к только что организованному тогда старообрядческому Преображенскому кладбищу-заставе, так как называет «шелашу» (шалашу). Эти специальные шалашу в большом количестве были построены создателем кладбища Ильей Ковылиным для жителей, спасавшихся от «черной смерти». Весьма вероятно, что «плачи» были написаны где-нибудь на Выге, под непосредственным впечатлением от только что услышанного рассказа («ныне же слышу ушима действующийся тамо плачь и рыдание»). «Плачи» были написаны не в Москве и не очевидцем событий, автор говорит о себе: «Я вижу в тебе мысленнымя моима очима прежде невиданное»; в другом месте он пишет про Москву: «своими я глазами недавно видел в тоземственном пределе». Не случайно «плачи» и написаны поморским старообрядческим почерком и попали в старообрядческую Пижму. Не исключена возможность, что произведение попало на Пижму через посредство выговцев вместе с другой их литературной продукцией.

Идеология «плачей» сугубо религиозная. Эпидемия расценивается как наказание москвичей богом за грехи, гордыню, возношение, за увлечение славой и богатством. Она была неизбежна, потому что ее еще «святини отцы предвозвещали». В качестве основной меры борьбы с эпидемией предлагается самоусовершенствование в духе любви, милостыни ближнему, покорности и смирения перед богом. Надо целиком положиться на волю господню, предлагает москвичам автор. Этим «от смерти паче всех курительств» (окуривание смолой, применявшееся как дезинфицирующее средство) следует «обороняться». В духе церковных поучений выдержано высказывание о равенстве всех людей перед смертью.

Автор «плачей» на стороне тех, кто противился проведению предохранительных санитарных мер. Действия карантинных отрядов по уничтожению очагов заразы (отбирание зараженных трупов) он считает великим «командующих истязанием».

В то же время видны искренние страдания автора по поводу происходившего. Автор любит Москву и называет ее «прекраснейшей», «славнейшей», «пространнейшей», «священнейшей над всеми», «прекраснейшим градом» отечества, «матерью российских градов».

Стиль «Плачей» свидетельствует о начитанности автора в литературе, о знании им классических произведений; «плачи» интересны сочетанием старых форм и понятий с новыми. «Плачи» не лишены и художественных достоинств, и особенно второй, в котором Москва представлена в виде измученной страданиями, плачущей девицы на «градственном троне». Автор пытается показать настроение москвичей в дни чумы, представить общую картину страдающего города, дает интересные бытовые детали из жизни Москвы.

Публикуемый текст не является автографом; это список, возможно, не первый, о чем свидетельствуют описки, исправления и неправильные чтения.

2. Письмо («объявление») верховских и чуркинских крестьян (№ 34) наглядно показывает, как жители Великопоженского скита в своем стремлении обогащаться не стеснялись захватывать земли и покосы потомков бывших скитян, крестьян соседних с ними деревень.

3. Письмо к Матвею Абрамовичу (№ 22) раскрывает моральный облик местных воротил, с помощью денег и водки откупающихся от тяжелой выборной должности полесовщика.

4. Личная переписка пижемцев интересна тем, что касается бытовой стороны жизни обитателей Пижмы в XIX веке, стороны, еще мало известной и совсем не изученной. Письмо Ивану Евстафьевичу (№ 31) говорит о тесных связях в XIX в. Пижмы с Выго-Лексинским общежителем. Жители пижемских селений пользовались художественным наследием выговцев и помогали последним в трудные минуты. Из письма также видно, что с Лексы шли на Пижму иконы и книги. Адресат письма, Иван Евстафьевич, был, вероятно, одним из великопоженских наставников, поскольку его называют «батюшка». Это письмо интересно и другой стороной: явственно проглядывает льстивое лицо опытного скитского просителя-вымогателя.

1. «Плачи» по Москве

Плач странствующаго о гибели своего отечества смертоносием

Могу ли я ныне совершенно оплакать самым окияном слез о моем отечестве толь изпространнаго света пространнейшем и прекраснейшем граде, толико против прочих горестьми, слезами, стонанием, въздыханием и самым смертоносием ныне презельно уязвленном? О, непостояннейший мире, коль ты есть превратен! Своими я глазами недавно видел в тоземственном пределе превеселую радость и глумящееся восклициание, ныне же слышу ушима действующийся тамо плачь и рыдание.

Где ныне, о преславнейший [л. 1] граде, ездящии гордо по твоих пространным улицам, где увенчанныя лаврами торжествователи, где пищальныя мусикии? Все, все скрылось в мегновении ока. Ныне более в тебе гласится вечная память, нежели италианския канцерты. Ныне превеликия состоит в тебе тон из сих гласов. Ох, ох, горе, горе, увы, увы, а не инструментальная музыка. И уже затворились торжища с златыми колесницами и прочими драгоценными вещами. Надобность только многим пришла купить себе каждому гроб, уже не спрашивая того, что он есть ли дубовой. А инной доволь [л. 1 об.] ствуется и единой мочальной срациею.

В тебе ныне, прекраснейший граде, не слыханное учиняется дело. Провожает мать дочь, отец сына, брат брата, и напротив сын отца, дочь матери и брат сестру с тихими слезами, идущих на своих еще ногах в тыя места, где они засыплются мертвья землею, и тамо оставя их готовою быть жертвою смерти, возвращаются печальны и радостны в дом. Печальны, что лишились любезных, радостны же, что без великаго командующих истязания.

Ах, горестныя твоя печали превеселый граде. Уже и по дорогам [л. 2] твоим вместо прекрасных столпов лежат мертвья человеческия трупы. Ныне то совершенно да памятуют твои граждане философическую сию фему: «Помяни всяк,¹ яко смерть не замедлит» И да напишет сие каждый

¹ В рукописи слово всяк в квадратных скобках

напред в дверях своих для укрепления свойствующих нынешнему времени идей. Отдайте другим в волю упражняться ныне в прекрасных ораториях, замысловатых поэзиях и многомнительных философиях. Вам же настает время, о любезнейшия любезнейшаго града сограждане, всегда быть готовым к страшному то[л. 2 об.]му часу, в которой нечаянно имате разлучитися друг с другом и со всем сим видимым светом.

Коль то страшны и ужасны суть престрашныя те минуты, в которые долженствуем мы сложить с себя все суетныя свои преимущества и учинитися общественно со всеми равными на истление нашей плоти и на рождение из нея снадающих же ея плотоядных червей. Равен будет, совершенно равен текущий наш гной, как из богатого, так и из убогаго, как из славнаго, так и из безславнаго.

Но ꙗки плача глаголю и глаголати плачевно непрестану [л. 3] о тебе, мой прекраснейший граде, и пространнейшей градом матери. Что я вижу в тебе мысленными моими очима прежде невиданное? Зрю многих текущих из домов своих, аки бы на некое торжество в сотовныя и винныя полатки, на мертвое поле, в зделанныя для спокойнаго умертвия шелаши. Но что же и еще ужаснейшее представляю! О, бедственного страдания, бедствующих сродников вижу в тебе, пресловутый граде, уже и самых родственников, отбегających с родных мертвых тел и предающих оныя достойным [л. 3 об.] смерти. Прочь, прочь ныне вси веселия, когда уже настает тое время, которое задолго святити предвозвещали.

Ах, что сие учиняется в тебе, освященный многими святыми мощьми священнейший по сему над прочими¹ граде! Где кто с ким не увидится, все токмо те и речи, что сколько вчера было умерших. Не превосходит ли уже и тысящнаго ежедневнаго исчисления. И оной-то наш сродник, и он, сица наш знакомец, вседомовно помер; и того-то человека вседомовно помершаго, дом ныне от камандующих запечатан.

О, моя горести [л. 4]! Наконец уже нареку тебя. От горести прегорестныи ты граде. Понеже пятитысящными и более имеющимися в тебе вымершими и ныне пустыми стоящими домами, и очи, и уши, и вси человеческия чувства презельно огорчаются, и вси твои качества не в радость по прежнему, но только во едину печаль всякаго приводят. Посмотрю ли очима, везде вижу мертвецы, да гробы, послушаю ли ушима, всюду слышу плачевныя гласы, обоняю ли ноздрями, чувствую везде смертный смрад и худый запах!

²Прошу же вас, горчайшия граждане, не [л. 4 об.] огорчится,² что и вас я всех нареку, по огорчению ваших сердец, горестными. Но токмо вы телесную свою горесть возусердствуйте преложить ныне на душевную сладость. Сию же скоро сыщите, ежели между собою святую любовь стяжите и к ней предвысочайшую и сильную милость до всех присовокупите, которая по священному писанию и от самая смерти избавляет. Что вам ныне и весьма годствует при себе имети и от смерти паче всех курительств оной обороняться.

При сем же, аще и совершенно, как ниневитяне, пред богом смиритесь, то возчювствуете какая от сего [л. 5] сладость возсияет в сердцах ваших и тогда то прерадостно воскликните: «Готово сердце мое боже, готово!». И пригласите еще с веселием: «Господи, ты нам помощник, и не убоимся, что нам сотворит смерть!».

¹ В рукописи слова над прочими заключены в квадратные скобки.

² В рукописи эти слова в квадратных скобках

Сего вам искренно желаю и желать впредь как писанием моим, так умом и сердцем непрестану ваш покорнейший слуга печалующий и пишуший сие низжайше кланяюсь [л. 5 об.].

* * *

Плач второй о смертоносии преславнейшего града

Скажите вы мне, скажите, о честнейших граждане! Заклинаю вас создавшим небо и землю! Какая сия стоит поникши долу, в посмраженном одеянии, плачевная девица на градственном вашем троне, держащая в руках слабо скипетр и градственную державу и почти сие испущающая из рук своих? На что отвещают граждане с горькими слезами и велиим неописанным воплем: «Сия есть преславнейшая Москва, незапно тако превратившаяся из прекрасной в злообразнейшую».

Ах, что вы мне неправедно отвещаете [л. 6]. Аз знаю совершенно вси качественныя доброты прекраснейшей и преславнейшей, великолепной матери российских градов, дражайшей Москвы. Она весьма здрава, бодра, прекрасна и крайне всегда весела. Сия же ко оной ниже в малое сравнение прийти возможен. Поистинне громко с плачем граждане вопиют. «Она есть тако ныне неведомыми божиими судьбами низпадшая от первых своей доброты».

О, ужаснаго зрения! О, нестерпимаго слышания! О прегорестнаго сердцу уязвления! Како толь прекрасная, толь пребогатая, толь превеселая в мале времени толи [л. 6 об.] ко похудевшая, яко едва и узнати возможно? И что сие творится над тобою, беднейшая ты, Москва? Колико ты преукрашена была златом и серебром и драгоценными каменьями, ныне же зрю тя во вретиси стоящую и пепелом вижу посыпану главу твою. Всегда ты употребляла забавныя смехи и веселия, ныне же толико громко и горько плачеша, яко вопль твой почти во всем свете, даже до самых небес может быть слышан. И прежде ты веселилась о пространнейших полатах и прочих пречюдных зданиях, ныне же что, что се странное твориши [л. 7] дело, точию за велико поставляеши един свой малоценный гроб.

О, сладкогласная ты, Москва! Почто переменяла еси и любезныя своя песни и только единогласно от утра даже и до вечера восклицаеши вечную память? Колико же ты была и благоуханна, ныне же по премногу стала зловонна; смертноядовитый бо некакий смрад, зело происходящий ис тебе отягчает мои чювства.

Како же дешася и витийственныя твои о разных материах гласы? Ибо ныне токмо от тебя происходят и речи, что смерть да мертвыя. И оставя изчисляти неизчислимыя свои [л. 7 об.] сокровища, точию ежедневно исчисляеши мертвецы. Уже ныне и органы твои стоят праздно. Сладчайшии бо тебе пришло время слышати всюду по твоим стогнам шумящия слезно гласы: «Святый боже, святый крепкий, святый безсмертный, помилуй нас!».

Знала ли ты, беднейшая, такое время, в которое ныне толико всем плачевно произносиши прощение? И кто бы с тобой где не встретился, точию видит тя обливающуюся горькими слезами, чим ты всех позорующих тя сильно приклоняеши к таковому же о себе плачу и горькому стенанию. И может ли кто без слез [л. 8] зрети нынешне твое злочастное превращение?

Самый бо твой вопль пребезмерно пленяет наши сердца к равномерному же восклицанию. Ибо люющаяся из тебе горесть по премногу всех сердца огорчила и твоя печаль чрезвычайно печальными нас учинила.

О, всевышний боже! Коль ты пресильно смиряеши возносящихся славою и богатством, ты в мгновении ока превращаеши человеческую гордыню в земный прах. Но ты же можешь еще восходеши, паки прискорбную сию гладообразницу учинити в прежней ей доброте? Дажь еще время избранным твоим для покаяния [л. 8 об.] и для сих, и всех святых, почивающих в граде сем, отвори праведный свой гнев от прогневавших тя, яко же и в Ниневии учинил еси [л. 9].

2. Письмо верховских и чуркинских крестьян в Усть-Цилемское волостное правление о незаконном захвате у них земли и сенокосных угодий жителями Великопоженского скита и о другом

В Устилемское волостное правление волостные выборы головы Якову Евдокимовичу Кислякову устилемьскаго же ведомства жители по печорьской реки Пижмы, крестьяна Чуркиной и Верховьской деревни объявление.

Имеем вашей чести донести об Великопоженском ските, которой находится смежно промежду нашими деревнями, Чуркиной и Верховьской. А по первому заселению онаго¹ скита крестьяна да и наши прежние родители в обще под одним указом имели раскольнической оклад, так же и оброк клали за землю и зделали на три статьи, Чуркина и Скицка и Верховьской и на том основании проживая до сих пор.

И так у нас в деревнях ныне людей умножи[лось] и некуда нам стало податся; удобных мест не имеется к хлебопашеству и к сенокосу. А в Скицкой людей не стало — земли имеется орамой и сенокосной не в силах обрабатыва[ть], мало записных того скита, но толь[ко] один крестьянин Матфей Осташев, а проч[ия] крестьяна живут из разных селеньей и дереве[нь] без всяких видов приходящая, обоего пола, муж[ска] и женьска.

По первости они приходили к Скицк[им] прежним² жителям жить на место услуж[ения] и робить заедино, а за работу платы не брать и промеж собой нечего не делить. А тепере те люди прихожья других мест в том ските поимели раздел во всем самовольно, чтоб не было заведено прежними скицк[ими] людьми. Поделили так же недвижимое; поля и пожни, промеж собой делять, недовольно что мужеск пол, но и женьской довольствуются земляными учасками без всякаго государственного тягла. А другую орамую землю не в силах пахать, то заращивают и сенокосною травой торгуют, для своей надобности.

А у тех крестьян в своих деревнях по разделу на души земля имеется, и той также торгуют и заращивают.³ А у других в деревни и государево за душу их в земли платят. А в ските низак[онно] то владеют таковыя из разных мест крестьяна; [са]мвольно обовладели в том ските землю, [бе]з всякаго виду проживающия, а нас поблизости [ж]ивущих не допуская.

А нам весьма жи[ть] стало [т]есно и несчего государьства и общес[твенная] подати [в]носить и семействами пропитываться. Потому [и] мы, тех деревней крестьяна, нижепо[дли]савшиясе [вы]нуждены вам в правление объявить и просим [в]ас на благо разбирательство и учинить за[кон]но помогательстве [и]ли донести вышнему начальству о таковых [п]разно проживающих в ските.

¹ Это слово написано поверх зачеркнутого в оном.

² В рукописи это слово зачеркнуто.

³ В рукописи это слово зачеркнуто.

3. Письмо неизвестного лица к Матвею Абрамовичу о досылке последним двух рублей, необходимых для откупа его от выборной должности полесовщика

Любезный братец, Матвей Абрамович! Желаю на много лет здравствовать о Христе. И притом же уведомляю Вам и пишу во извещение. Я желал бы от истинной и искренной дружбы Вам уменьшить два целкова за службу, и более по свойству ранее упредил это сделать. И взял от Вас три целкова, которы мне следовали за дело, а росписку Вам дал в пяти целковых. Это для того, чтобы новыя суботники Вас более не могли до трех лет никуда выбирать в службу.

Но Евтифей Ваш немного ошибку сделал, сказал Тарасу и Филату, моим товарищам, будто я с его получил пять целковых. Вот они, эти два целкова у меня и просят себе, потому что мне пять не следовало, а три, хотя я и уверял их, что получил не пять, а только три целкова.

Но они худо как то верили и говорили, что ежели остальния два целкова я им не отдам, то с Вас весной опять возьмут, по три целкова с целовека, или выберут Евтафея в полесовщики. Я же видя такую ошибку Евтифеем учиненную и дабы не наделать Вам большого убытку, обещаю им, Филату и Тарасу, по одному целковому. И один им отдал нынче, а другой обещал по весне от Вас дать, как по расписке писано будет Вам отдать и достальния два целкова.

А потому и прошу Вас, братец, Матвей и Евтифей, не можете нынече послать с кем-нибудь с хорошим человеком эти два целкова. Надо им отдать этим мироедам, Филату и Тарасу, а то они, пожалуй, скажут, что денег мало взято, только с Матвея, а с Евтифея надо еще взять шесть целковых, или выбрать в полесовщики. Дак лучше малой огонь гасить, чем большой.

Я ладил сделать по свойски менее изьяну, тоестъ взял три целкова и наперво нечего не сказывать, а по весне купить им только штоф водки, на Ваш щот, и расказать. И все дело.

4. Письмо лексинца Семена Дорофеевича на Пижму Ивану Евстафьевичу о высылке последнему икон и о безрезультатных поисках на Лексе для него каких-то книг

Премногомилостивайший наш сиротский благодетель, Иван Стафиевич. Придушеспасительном пребывании желаем Вам мира и здравия и долга жизненаго пребывания о Христе.

Сям нашим кратчайшим написанием доношу Вам, милостивый отец. Аще соблаговолите про мене нижайшаго слышати, то от сего письма остаюсь в живых, но здоровьем ослабел. А о Вашем здравии ежечасно ведать желаем и всевышняго творца просим грешными нашими молитвами, дабы продлил творец жизнь Вашу. При сем и приношу мою к Вам нижайшую благодарность, в бытность мою у Вас, за Ваше отеческое неоставление и нас, сирот, призрение, чево и впредь просим, мы, сироты, не лишать нас, сирот, Вашего отеческаго милосердия и призрения. За что должны мы Вас, и со всеми нашими благодетельницами с Вами живущими, ко владыце отдать молебственныя гласы о всех вас.

Объявите, милостивый отец, всем нашим благодетелям и благодетельницам нижайшее почтение и благодарность за неоставление к нам, сиротам.

Милостивый отец, по приказанию Вашему и по записке Вашей иконы Вам посылаю: 1. Покров пресвятыя богородицы, цена 12. 2. Икона трех

святителей, Василия Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго, цена 10. 3. Икона собор архистратига Михаила, цена 13. 4. Георгия Великомученика, на коне, цена 9. А прочии иконы остаются недоработаны за нездоровьем мастера, которому были отданы. То Божиим изволением пролежал лето все. А я сам по осени ездил в Питербург. А если оныя Вам наде выполнить, то вы пришлите записку и при оном задаточек, ибо, отец, у иконников и у всех у нас скудость хлебная постигла.

Еще просил ты меня сведомится о книгах, то я прилагал свое старание о таковых и спрашивали у Акима Борисовича, то он хоша и жив, да с постели не исходя, весьма глуп и ничево не помнит. А у нас на Лексы братец Иван Дороф[еевич] у отца Антона Семеновича всю архилу переберал, но не [на]шел таковых. А Степан Исакович Захарьев отозвался, что у меня нет таковых.

Еще приписую Вам, отец, о нашем бедном общественном состоянии. Весьма оскудели во всем: в хлебных харчах, в платье и в обуви. Кое-как проживаем день к вечеру.

Просим, батюшко, Вас постараться о нашем сиротском собрании, за что Вам всевышний творец стократно и сугубо возмездие подаст.

При сем остаюсь, всех Вам благ в желании бывший у Вас старик, Семен Дорофиев, премного милости Вашей кланяюсь и прошу Вас засвидетельствовать мое нижайшее почтение общему Вашему собранию, благодетелям и благодетель[ни]цам и доброприятелю нашему Абраму Васильевичу нижайшее почтение, старушки Овдотьи Яковлевной со внуком ея Иваном нижайшее почтение.

В прошлом году от милости Ваше[й] получено было денег для задатку икон числом 36 рублей. А следует с Вас донять 4 рубля.

Вместо поклона посылаю милости Вашей поярок, прошу не осудить, и пока кланяюсь.

Числа 28 ноября, 1824 года
